

УКРАИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

МѢСЯЦЪ ІЮНЬ.

1817.

І. НАУКИ И ИСКУСТВА.

О причинахъ различія умственныхъ и нравственныхъ способностей.

Природа при совершеніи своихъ высокихъ и мудрыхъ дѣйствій всегда слѣдуетъ непремѣннымъ законамъ, соотвѣтственно концу ей предназначенному. Непремѣняемость и точность въ соблюденіи оныхъ ощутительна для каждаго, обращающаго вниманіе на творенія составляющія вселенную. Образованіе недѣлимыхъ и разпредѣленіе имъ приличныхъ способностей — суть дѣйствія, производимыя ею одинаковымъ и при томъ неуклоннымъ отъ своего закона образомъ. Всякое существо извѣстнаго рода съ бытіемъ своимъ получаетъ отъ ней равныя способности и равныя средства, нуж-

ныя для своего существованія. Одинъ человекъ, вышедши изъ рукъ ея съ подобными правами, уклонился повидимому отъ сего закона; одинъ онъ здѣлался какъ бы не похожимъ самъ на себя: будучи поставленъ въ срединѣ всѣхъ существъ съ отличными своими преимуществами — дающими право повелѣвать и измѣнять видъ обитаемой имъ земли, представляетъ изъ себя разительную картину несходства и видимой несоотвѣстственности въ умственныхъ способностяхъ — противорѣчіе въ нравственномъ бытіи съ подобнымъ себѣ. Степени неравенства человѣческихъ дарованій сколько различны, столько же и непостоянны: въ однихъ усматривается необыкновенная острота въ понятіи и соображеніи дѣйствій природы и искусства; въ другихъ наиболѣе примѣтны живость, плодовитость и неисощимость воображенія въ изобрѣшеніи и вымыслѣ чувственныхъ изображеній; въ однихъ видимъ превосходную память, по своей вѣрности и обширности столько нужной при изученіи Исторіи и языковъ; въ другихъ находимъ всѣ сїи три каче-

ства соединенными вмѣстѣ, но весьма далеко отстоящими отъ своего совершенства. Не дѣлая дальнѣйшаго раздробленія способностей человѣка, легко можно увѣриться въ видимомъ несходствѣ оныхъ и въ тѣхъ несообразныхъ оппѣнкахъ, которые переходятъ даже въ явную противоположность. Не менѣе поразительна разность и въ характерахъ человѣческихъ: стоить только сдѣлать нѣкоторые опыты и вѣрность заключенія неоспорима. Къ утвержденію сего мнѣнія не нужно опираться на странную противоположность характеровъ народовъ, живущихъ въ разныхъ частяхъ свѣта, не нужно поминать свое воображеніе и вниманіе слѣдуя за народами извѣстными намъ по однимъ только именамъ, повѣряя свои сужденія съ пышными описаніями путешественниковъ; нами обитаемая часть свѣта Европа, наше отечество Россія представляютъ къ утвержденію нашего мнѣнія неоспоримыя доказательства. Стоить только обратить вниманіе на образъ мыслей и поступковъ нѣкоторыхъ людей живущихъ въ Европѣ подъ различными

климатами и подъ различными правленіями, — и наблюдательный взоръ усмотритъ разительные отличія въ ихъ характерахъ: непродолжительное обращеніе съ оными будетъ достаточно къ тому, чтобъ различить гибкій и между тѣмъ неосновательный характеръ Французовъ отъ чувствительнаго и изнѣженнаго характера Италіянцевъ пылкой и стремительный характеръ Испанцевъ отъ постояннаго и при томъ самомнительнаго характера Англичанъ. Дальнѣйшее изслѣдованіе и постоянное наблюденіе ума изъ сихъ главныхъ характеровъ выведетъ еще многіе частныя, замѣтитъ нѣкоторую противоположность физическихъ и нравственныхъ свойствъ въ одномъ и томъ же народѣ, управляемомъ одинакими законами и обычаями. Отъ какихъ же причинъ сія разность зависитъ?

Нѣкоторые остроумные психологи, стараясь изъяснить причину различія умовъ въ семъ отношеніи понимаемую, доказывали оную изъ различія душъ; но таковыя нелѣпыя умствованія пали отъ своей нелѣпости. Истина рано или поз-

до должна постыдить своихъ враговъ. Мысль о различіи душъ противно не только истиннамъ религіи, имѣющимъ благотѣльное влѣяніе на благосостояніе рода человѣческаго, но и истиннамъ философическимъ оправданнымъ опытами. Прямо истинный философъ, не взирая на сильное нападеніе ложнаго ума, не устращаясь трудностями неразлучными съ открытіемъ подобныхъ истинъ, постоянно дѣятельностію пробивается сквозь мракъ предразсудковъ, разсѣкаетъ узлы очарованій и постигаетъ истину. Трудамъ его мы одолжены настоящею истинною; употребимъ же руководство его въ собственную пользу, — будемъ держаться тѣхъ правилъ, которыя служили ему въ семъ знаменитомъ поприщѣ руководителями и слѣдуя его методологіи раздѣлимъ причины разныхъ способностей на причины *физическія* и *нравственныя*: отъ первыхъ произведемъ различныя способности и наклонности; а отъ вторыхъ — нравы, дѣятельность и оборотливостъ ума *человѣческаго*. Въ число главныхъ *физическихъ* причинъ поставимъ слож-

нїе тѣла, темпераментъ, климатъ и способъ пропитанія; къ нравственнымъ отнесемъ воспитаніе, религію, образъ правленія и другія обстоятельства.

I.

Сложеніе тѣла.

а.) Тѣло — сей разнообразный и многосложный составъ, будучи орудіемъ души нашей, имѣетъ великое вліяніе на обнаруживаніе и степень нашихъ познавательныхъ способностей. Но различію состоянія онаго и душа наша дѣйствуетъ различно — различно обнаруживаетъ свои познавательныя силы. Когда тѣлесные органы находятся въ здоровомъ состояніи, когда естественными упражненіями и дѣятельностію доводимы бывають до высшей степени своего образованія; тогда они удобно принимаютъ впечатлѣнія производимыя чувственными предметами, удобно оныя передають душѣ нашей, опредѣляютъ способности ея къ дѣйствованію сообразному съ сими впечатлѣніями. Если жъ случается иногда, что предметы внѣшніе дѣйствуютъ на чувства, и хотя опредѣ-

ляютъ душу къ извѣстной дѣятельности, но чувства повреждены и не соотвѣтствуютъ впечатлѣнїямъ; тогда и душа наша получаетъ не истинное ложное понятїе о предметѣ: человекъ одержимый желтухою видитъ и представляетъ всѣ вещи какъ бы желтыми; подверженный лихорадкѣ или горячкѣ — болѣзни неразлучной съ сильными возпа-ленїями опнимающими вкусъ почитаетъ всѣ яства горькими и отвратительными, хотя онѣ въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ не таковы; человекъ съ поврежденнымъ слухомъ не имѣетъ понятїй о разнообразїи и постепенности звуковъ, — лишенный обонянїя о запахахъ цвѣтовъ и пахучихъ жидкостяхъ. Душа и тѣло должны согласоваться въ своихъ дѣйствїяхъ; безъ взаимнаго согласїя не можетъ ни то ни другое исполнять своихъ назначенїй: при разстройкѣ тѣла дарованїя ума слабѣютъ; при возмущенїи душевныхъ способностей тѣлесный составъ страдаетъ и изнемогаетъ.

в.) Состоянїе твердыхъ и жидкихъ частей тѣла, состоянїе соковъ, обращенїе

крови и качество ея даютъ намъ понятіе о темпераментѣ. По различію сихъ главныхъ частей нашего тѣла обыкновенно раздѣляютъ людей на четыре главные темперамента: на Сангвиниковъ, Холериковъ, Меланхоликовъ и Флегматиковъ. Мы знаемъ многіе примѣры опровергающіе такое раздѣленіе, знаемъ людей, кои не принадлежатъ ни къ одному изъ сихъ главныхъ темпераментовъ, состоя какъ будто изъ смѣшенія оныхъ; впрочемъ, не имѣя въ предмѣтѣ доказывать точность сего раздѣленія, вмѣстѣ съ знаменитыми Антропологистами можемъ сказать только то: что разность соковъ и крови бываетъ непосредственною причиною разности познавательныхъ нашихъ способностей. Опыты и наблюденія ясно доказываютъ, что чистота, жидкость и великое количество крови сопровождается бываютъ счастливыми послѣдствіями для человѣка; таковой темпераментъ не рѣдко бываетъ причиною живости, легкости въ изображеніи ясныхъ о предмѣтахъ понятій, хорошаго ума и счастливой памя-

ми. Темпераментъ опредѣляемый кровію смѣшенной съ желчію преимущественно сопровождается тонкостію въ размышленіи о вещахъ и точностію отношеній въ понятіяхъ; кровь же находящаяся въ смѣшеніи съ черною желчію производитъ способность и склонность къ наблюденію произшествій и къ изслѣдованію ихъ причинъ; наконецъ люди съ большимъ количествомъ флегмы тупоумны, въ чувствованіяхъ слабы и въ усиленномъ напряженіи неперпѣливы.

с.) Онь состоянія атмосферы, питающей насъ живописною своею влажностію, очень много зависитъ совершенство или недостатковъ нашихъ дарованій. Сія истинна, основана на разительныхъ примѣрахъ различныхъ націй и подтверждается также примѣрами въ исторіи изображаемыми: Греки и Римляне, сіи два господствовавшіе народа въ древнихъ временахъ, сверхъ дарованій въ военномъ искусствѣ, отличались также остроуміемъ и необыкновенною способностію представленія предмѣтовъ въ мысли и выраженіи. Творенія Гоме-

ра и Пиндара, Горація и Виргилія могутъ служить неоспоримыми доказательствомъ сего мнѣнія; въ ихъ сочиненіяхъ мы видимъ необыкновенныя черты изобрѣшенія, расположенія и выраженія. Многіе остроумные Историки приписываютъ климату сей необыкновенный ходъ умовъ и не безъ основанія: онъ, по различію своего качества, и по дѣйствію на органы тѣлесныя очень много способствуетъ къ образованію грубыхъ или нѣжныхъ фибръ, твердыхъ или слабыхъ мускуловъ, тонкихъ или густыхъ соковъ.

Чувствованіе стужи есть нѣкоторая степень болѣзни; она приводитъ нервы въ напряженіе и содержитъ ихъ почти въ такомъ состояніи, въ какомъ они бываютъ отъ чрезвычайнаго предмѣта, вселяющаго нѣкоторое изумленіе въ нашу душу. Сіе состояніе приводитъ ее въ нѣкоторый родъ нетерпѣнія и безпокойства; тогда чувствуется меньше вкуса, нужды, расположенія къ пріятности, и только остается сильное желаніе сохранять себя; тогда мы чувствуемъ силы не для наслажде-

нїя, но для своей защиты, наше свойство принимаетъ тогда нѣчто суровое и грубое. Генрихъ III, повѣшвуетъ Де Ту, перья зимою свою нѣгу и склонность къ утѣхамъ; онъ имѣлъ тогда разумъ устремленный къ порядку, къ исправленію, къ правосудію. Находятся и другіе примѣры погоже рода.

Стужа сжимаетъ концы всѣхъ жилъ и кровь, не такъ легко обращаясь въ сихъ концахъ, болѣе приливается къ сердцу; сіи жилы, сокращенныя и болѣе орошаемыя жизненными соками и кровью въ оставшемся пространствѣ, имѣютъ больше силы и упругости; а потому сообщаютъ болѣе крѣпости, мужества, самонадѣянїя. Нервы же, огрубѣвшіе въ концахъ своихъ, сообщаютъ мозгу малое число ощущеній и по не столь живыхъ; душа дѣйствуетъ болѣе сама на себя; соединяетъ тѣснѣе получаемыя понятїя; чувствованїя и мысли ея бываютъ глубже и связнѣе. (*)

(*) Великія злодѣянїя, замѣчаетъ ученый Аббатъ Дюбо, по большой часпи произведены были во время сильныхъ морозовъ. Сїе замѣчаніе опча-

Слѣдственно отъ различія атмосферы болѣе или менѣе теплой или холодной, сухой или влажной, тонкой или грубой опредѣляется умъ нашъ къ необыкновенной живости или унылости, къ необыкновенной дѣятельности или слабости. Хомя нынѣ и отвергаютъ дѣйствіе климатовъ на свойства народныхъ, основываясь на томъ, что люди рождаются вездѣ съ одинакими нуждами; однакожь сіе не совсемъ справедливо: солнце и земля производящія различіе между ананасомъ и пылкою производятъ разность въ жилахъ, мышцахъ, въ крови, мозгѣ и слѣдственно въ свойствѣ Негра и Англичанина, Бразильца и Гренландца. Чувствованіе нужды не во всѣхъ климатахъ одинаково: въ сѣверныхъ земляхъ потребно много трудо-

спи справедливо: потому что чувствованіе стужи естъ нѣкоторый родъ страха, а когда страхъ происходитъ болѣе отъ понятія о томъ, что мать угрожаетъ, нежели отъ чувствованія собственной слабости; слѣдственно душа тогда легко разполагается къ гнѣву, къ мщенію, къ ненависти, къ пѣмъ жестокимъ пресупленіямъ, къ какимъ человѣкъ слабый или щепливый ни когда неспособенъ.

любія для одежды и покою, дабы не еспра-
дать отъ суровости воздуха; на Югѣ,
для защиты отъ жара надобны только
деревья, постель и шипина. Сѣверные на-
роды должны быть болѣе заняты попе-
ченіемъ о доставленіи себѣ нужнаго, а
полуденные попеченіемъ о забавахъ. Въ
южныхъ странахъ работа и мысль утом-
ляются, тѣло и умъ имѣють нѣкоторое
влеченіе къ покою, человекъ тамъ менѣе
ищетъ чувствовать существованіе свое
въ дѣйствіи, а болѣе предается ощуще-
ніямъ; онъ долженъ имѣть меньше наше-
го невольнаго безпокойства, принужден-
наго дѣйствованія; тамъ не имѣють ну-
жды много изобрѣтати, помнишь, сопря-
гаютъ великое число понятій; а отъ того
и имѣють мало порядка въ разумѣ и мно-
го несообразностей; тамъ руководству-
ющая мгновенною пользою, забываютъ бу-
дущее и жертвуютъ всѣмъ настояще-
му. Сѣверные же народы имѣють нуж-
ду сопрягать много понятій, быть до-
сужими и изобрѣтательными; они дол-
жны имѣть болѣе связи и силы въ разумѣ,
свѣдѣственно болѣе разсудка и соображенія.

II.

Доселѣ все наше разсужденіе имѣло цѣлю показати зависимость умовъ отъ причинъ физическихъ, доказати вліяніе оныхъ на природныя дарованія и различныя навыки равно какъ и на качество дѣятельности оныхъ. При доказываніи сей зависимости мы основывались не на однихъ предположеніяхъ, но на достовѣрныхъ опытахъ; поставимъ же за правило держаться сего самаго пути при доказываніи зависимости оныхъ отъ причинъ нравственныхъ. Причины же сіи, какъ я выше упоминалъ, суть: воспитаніе, религія и образъ правленія.

а.) Воспитаніе есть способъ развивати и укрѣпляти слабыя силы отъ природы чело-вѣку дарованныя, усовершенствовати и приспособляти оныя къ извѣстной и благородной цѣли и е. обогащати разумъ полезными и пріятными познаніями, впечатлѣвати въ сердце любовь къ добродѣтели посредствомъ наставленій и примѣровъ, поддерживать тѣло въ естественномъ состояніи здравія, крѣпости и бодрости. Раз-

личные средства и упражненія, сообразныя съ цѣлю истиннаго воспитанія, подробно излагаются въ наукахъ Гимнастикѣ и Діететикѣ. Они сколько разнообразны, столько же иногда и не совмѣстны съ состояніемъ нѣкоторыхъ воспитанниковъ; одно благоразуміе воспитателя можешь согласить правила оныхъ съ дѣйствительною пользою питомца. Но нашъ предметъ обязываетъ насъ сказать здѣсь только то, что способъ воспитанія опредѣляетъ характеръ и наклонности воспитанника.

Намъ изъ опыта извѣстно, что природныя дарованія, хотя бы они были и самыя превосходныя, не достигаютъ своего истиннаго назначенія, ежели они надлежащимъ образомъ не будутъ развиты и направлены, ежели обстоятельства времени и не естественные способы воспитывающихъ не только не будутъ благоприятствовать, но даже свращать ихъ съ того пути который имъ природою предназначенъ и тѣмъ самымъ подавятъ оныя при ихъ обнаруженіи. Развитіе природныхъ дарованій можно уподобить

развитію древесной почки, въ которой сіе не столько зависитъ отъ физическаго состоянія прозябанія и жизненныхъ соковъ движущихся по извѣстнымъ законамъ въ своихъ каналахъ, сколько отъ дѣйствія солнечной теплоты и нужной къ оживленію ея влаги; направленіе же дарованій можно сравнить съ направленіемъ такого растѣнія, которое произрастаетъ при пуши, — гдѣ первый мимоходящій наклоняетъ оное въ извѣстную сторону въ извѣстномъ положеніи — и оно остается такимъ навсегда. Сіе уподобленіе нечувствительно насъ доводитъ до разсужденія о важности наставленій, заняшій и примѣровъ, сихъ главнѣйшихъ пунктовъ какъ частнаго такъ и общественнаго воспитанія: они всегда рѣшаютъ участь воспитываемаго. Мы любимъ преподавать дѣтямъ уроки чести и добродѣтели, внушать имъ самыя строгія и высокія правила нравственности; но образъ домашней нашей жизни не всегда соответствуетъ важности такихъ наставленій. Мы превозносимъ предъ ними добро-

дѣтели своихъ предковъ, отличные подвиги Ироевъ древности; но не имѣя оныхъ въ себѣ ослабляемъ то впечатлѣніе, какое дѣлаютъ надъ ними сіи древніе образцы. И все ученіе, несогласное съ примѣрами не только не подкрѣпляетъ въ нихъ добродѣтельныхъ склонностей; но приучаетъ ихъ мыслить: что добродѣтель есть одно имя, права ея — одни слова и выраженія, переходящія отъ отцовъ къ дѣтямъ и никогда неимѣющія своего дѣйствія; и что самые ревностные ея защитники были впрочемъ всегда подобны другимъ.

Предмѣты и дѣйствія, встрѣчающіеся съ первыми движеніями младенца; непримѣтнымъ образомъ впечатываются на сердце, еще ничѣмъ непоражавшемся и дѣлаются второю природою для воспитанника. Воспитатель и наставникъ представляютъ изъ себя зеркало въ которомъ онъ безпрестанно себя видитъ и видитъ точно въ такомъ видѣ, какой отражаетъ оное зеркало. Дабы увѣриться, точно ли это уподобленіе, стоитъ только взглянуть на дѣтей разныхъ сословій

разнаго образа жизни и истинна онаго будетъ непоколебима! . . .

б) Вторая нравственная причина различія дарованій есть религія: она имѣетъ свое дѣйствіе на развитіе нашихъ способностей, на нравственное поведеніе, на свободу или стѣсненіе въ сужденіи.

Гражданскія и богослужебныя установленія могутъ во всѣхъ климатахъ перемѣнять и направлять свойство народовъ; и сіе бываетъ не по одинакимъ законамъ и не одинакими способами, какъ объ этомъ думалъ президентъ Моншескье укоряемый весьма легкомысленно и обидно за свои мнѣнія о вліяніи климата и религіи. Конечно позволительно замѣчать ошибки сего вождя законодателей; но должно въ то же время чтить познанія его и уважать намѣренія. Впрочемъ безошибочно можно сказать, — что религія основанная на деспотизмѣ на слѣпомъ суевѣріи и невѣжествѣ пресѣкаетъ всѣ пути къ просвѣщенію разума на сей конецъ природою даннаго. Примѣры основателей и сочинителей ея представляемые за образцы свои, наказанія

и изпязанія положенныя за дерзость людей осмѣлившихся свободно мыслить подавляють при самомъ началѣ всѣ дарованія, уничтожаютъ всѣ усилія ума для открытія пути къ священнымъ истиннамъ. Между народами послѣдующими Магометанской вѣрѣ былъ ли хотя одинъ такой, — которому бы, не говорю, мы были одолжены какимъ нибудь важнымъ открытіемъ; но даже такой, которой бы былъ извѣстенъ ученому свѣту по своему просвѣщенію и по своей учености? Всѣ страны населеныя послѣдователями оной, всѣ тѣ прекрасныя и плодоносныя поля гдѣ природа улыбается для каждаго наблюдателя, заключаютъ въ себѣ невѣжественныя и пресмыкающіяся души: не ограниченная тиранія, держа въ одной рукѣ кадило въ другой мечъ, уничтожила и свободу и нравственное бытіе человека; онъ въ такой націи не есть уже человѣкъ, но животное размножающееся для того только, чтобъ быть жалкою добычею сильнѣйшаго. Напротивъ того религія Христіанская, основанная на крошечныхъ и человѣколюбивыхъ началахъ, веду-

щая истинными путями каждого своего сына къ тому самому предназначенію, съ которымъ онъ Всевышнимъ произведенъ въ сей міръ, не только не препящствуетъ ходу ума человѣческаго; но даже способствуетъ и нечувствительно руководить къ познанію истинны какъ святой. въри такъ и природы.

с.) На дарованія души также много дѣйствуетъ образъ правленія. Правленіе, водимое крошкими и мудрыми законами, имѣющее цѣлю благо общее а вмѣстѣ и частное, слѣдственно содѣйствующее благодѣтельными учрежденіями народному просвѣщенію, ускоряетъ раскрытіе талантовъ. Чувство свободы возкрываетъ умы къ своему паренію къ усовершенію себя въ томъ, къ чему влечетъ естественное стремленіе духа; умъ человѣскій получаетъ тогда необыкновенную дѣятельность въ своемъ усилии, исполинскую скорость въ стремленіи ко славі по пути, очарованіями и предразсудками затрудненному. Исторія народовъ представляетъ убѣдительные на сіе примѣры: выше сказано, что страны управляемые

лираннѣю, націи скованныя цѣпями рабства, не имѣли ни одного генія утѣшавшаго себя безсмертною славою, ни одного почти челоуѣка, который бы открытіемъ своимъ сдѣлалъ эпоху въ каковой либо наукѣ; невѣжество и угнѣтеніе есть величайшій непріятель какъ просвѣщенія, такъ и благосостоянія общественнаго; даже самыя необыкновенныя способности безъ счастья, безъ побужденій и безъ свободы погребаются во мракѣ невѣденія. Равнодушіе публики убиваетъ таланты, — напрошивъ вниманіе оной возбуждаетъ соревнованіе и такъ сказать рождаетъ великихъ людей. Жанъ-Жакъ Руссо явился во Франціи какъ бы новый Платонъ, когда его опыты о краснорѣчій былъ принятъ съ особеннымъ предпочтеніемъ его современниками и съ великимъ одобреніемъ, льстившимъ его самолюбію. Невтоны, Лейбницы и Канты, шѣ великіе геніи, кои въ недавнія времена своими безсмертными твореніями прославили Европу, своими открытіями усовершенствовали науки, вписали имена свои въ книгу безсмертія, содѣлались таковыми отъ благопріяшества.

вавшего времени, опъ счастливыхъ обстоятельствъ.

Первые опыты въ ученыхъ или художественныхъ сочиненіяхъ, первыя покушенія въ какихъ бы то ни было произведеніяхъ всегда рѣшаютъ судьбу генія: смотря на то, съ какимъ одобреніемъ или оужденіемъ оныя принимаются публикою, въ такой же мѣрѣ и его усилія или возрастаютъ до удивительнаго сшени или вовсе ослабѣваютъ; успѣхъ даетъ ему тѣ крылья, на которыхъ онъ возноштся выше обыкновенной сферы и вѣнчаетъ себя безсмертіемъ. Греція и Римъ, сіи знаменитые по всѣмъ отношеніямъ страны, прославились великими философами, орашорами, стихотворцами и художниками; они всегда будутъ свидѣтелями той истинны, что свобода въ образѣ мыслей, побужденіе со стороны правительства даже самыя посредственные умы возвышаютъ и дѣлаютъ чрезвычайно дѣтельными.

Почтенные сошчичи уже оставившіе сей свѣтъ Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ и Державинъ! да не оскорбшся духъ вашъ шю

медленностію, съ каковою я обращаюсь къ вашимъ безсмертнымъ именамъ прославившимъ Россію! — Признательность и любовь къ великимъ вашимъ именамъ не позволяють умолчать о рѣдкихъ вашихъ талантахъ; ваша слава имѣла вліяніе на славу любезнаго нашего отечества; ваши творенія ежели не превосходятъ, то покрайней мѣрѣ могутъ равняться съ первѣйшими и знаменитѣйшими твореніями чужихъ странъ; ваша слава предвозвѣстила зарю прекраснаго и свѣтлаго дня просвѣщенія, ожидающаго потомковъ нашихъ. И сіе мнѣніе тѣмъ достовѣрнѣе, чѣмъ извѣстнѣе, что мудрый и человеколюбивый Монархъ нашъ, назидающій счастье вѣреннаго ему народа, простираетъ во всѣ концы своей обширной Имперіи благотѣльные пособія; и для выполненія сего высокаго намѣренія устрояетъ вышшія и низшія училища, опровергаетъ храмы Наукъ для всѣхъ поданныхъ жаждущихъ просвѣщенія — для всѣхъ тѣхъ, кои умѣють цѣнить пользу производящую отъ образованія.

Валки.

Илья Вороновъ.

Нѣчто объ Элегіи

(Соч. Жокурра.)

Элегія въ своей трогательной и благородной простотѣ соединяетъ всѣ прелести поэзіи, воображенія и чувства. Но не смотря на то, сей родъ стихотвореній со времени возрожденія наукъ былъ оставленъ совершенно безъ вниманія и даже съ понятіемъ о немъ соединяли какое-то не приятное сѣтованіе: это произошло или отъ того, что не отличали надлежащимъ образомъ нѣжности отъ припорности или отъ того, что стихотворцы, на примѣръ коихъ основалось сіе мнѣніе, сами изнѣженный слогъ приняли за нѣжный.

Поелику строгіе законодатели поэзіи сочли элегію недостойною ихъ суда и приговора; то она до сѣхъ поръ пользуется своею прежнею свободою. Она по своей волѣ важна и легка, нѣжна и шуплива, спрасшна и спокойна, весела и жалобна; по чему и способна къ принятію всѣхъ тоновъ отъ героическаго до самаго простаго. Проперцій въ элегіяхъ своихъ мимоходомъ описываетъ швореніе міра, Тибуллъ адскія

муки; то́тъ и другой написали карпины
досшойныя Рафаэля, Корреджія и Албана:
Овидій безпрестанно играетъ спрѣлами
Амура. Элегію можно раздѣлить на три
рода: на *страстную, нѣжную и живопи-*
сную.

Во всѣхъ сихъ родахъ принимаетъ
она тонъ ~~ожалѣнія~~ и радости: ибо осо-
бенно въ элегіи Амуръ бываетъ дикашею,
которое за бездѣлку сердится и опять
мирится, плачетъ и смѣется въ одно и
то же время. По сей причинѣ въ любов-
ной элегіи нѣжность, страсть и живопи-
сность не несовмѣстны; но перемѣшивая
ихъ должно соблюдать оппѣненія, пере-
ходы, постепенности. Въ такомъ поло-
женіи души, когда говоришь *Torques in-*
felix! (мучусь, несчастный!) ты не долженъ
сравнивать румянецъ своей любезной ули-
ченной въ невѣрности съ багряностію
неба, съ восходомъ зари, съ блескомъ
розъ между лиліями (Ovid. Amor. Lib II.
El. 5). Въ ту минуточку, когда зываешь къ
друзьямъ своимъ: *заклучите меня въ оковы;*
я съ ума сошелъ, я обидѣлъ своего милую,
не думай о бѣшенствѣ Оресна и Аякса

(*Op. lib. 1. El. 7*). Въ подобныхъ отступленіяхъ несравненно естественнѣе Проперцій. У меня отнимаютъ то, что я люблю, — говоритъ онъ своему другу, и ты мнѣ не велишь плакать! только любовь можетъ чувствовать обиды. . . . Она причиною войнъ; отъ нея погибла Троя. . . . Но что мнѣ смотрѣть на Грековъ. . . . Ты, Ромуль! ты показалъ намъ примѣръ сего преступленія, похитивши Сабинянокъ; ты потомковъ своихъ научилъ похищать у насъ нашихъ любезныхъ, и пр. (*Lib. II. El. 7*.)

Страстная элегія вообще одушевляется чувствомъ, — и симъ ошличается Проперцій; въ живописной особенно дѣйствуетъ воображеніе, — и это характеръ Овидія. У перваго воображеніе тихое и покорное для того только соединяется съ чувствомъ, что бы украсить сіе послѣднее и украшая его само скрывается за нимъ. У втораго чувство послушное и покорное для того только присоединяется къ воображенію, что бы одушевить его и само оно покрывается цвѣтами симъ во множествѣ разсыпаемыми. Краски слишкомъ яркія охладил

бы одно, такъ какъ сильная страсть за-
мила бы другое. Страстное чувство оп-
вергаетъ убранства Грацій, а Граціи пу-
гаются при изступленномъ видѣ страсти.
Но тихое движеніе дѣлаетъ ихъ прогашель-
нѣе и живѣе: онѣ преимущественно от-
личаютъ элегію нѣжную — элегію Тибул-
лову.

Тихое и приятное чувство, одушев-
ляющее нѣжную элегію, должно быть по-
стоянно питаемо воображеніемъ живымъ
и обильнымъ. Представьте себѣ печаль-
наго и задумчиваго человѣка прогуливаю-
щагося по полямъ, гдѣ все что онъ ни
видитъ напоминаетъ ему предмѣтъ зани-
мающій его въ тысячи видахъ: таково въ
нѣжной элегій положеніе души относи-
тельно воображенія. Чего не представ-
ляешь себѣ въ сей приятной задумчиво-
сти? *То плывешь на одномъ кораблѣ съ
своею милою; подвергаешься бурѣ, сплывъ
на той же скалѣ, подъ тѣнію того же де-
рева; лѣзешь изъ одного источника; на
тольли бываешь или на другомъ концѣ
корабля — довольно одной доски для обо-
ихъ; все переносишь съ удовольствіемъ;*

какая нужда до того, что южный или сѣверный вѣтръ надуваетъ паруса? лишь бы только взоры твои были устремлены на твою подругу. Естьли бы громъ разразилъ корабль, ты затрелеталъ бы только о ней. (Проперц. кн. II. эл. 27.). То представляешь себя умирающимъ; дрожащею рукою держишь руку своей рыдающей подруги; она повергается на смертный одръ своего друга, слѣдуетъ за своимъ любезнымъ до самаго костра, осыпаетъ его поцѣлуями, орошаетъ слезами; тутъ видишь юношей и дѣвицъ возвращающихся съ поникшими и заплаканными лицами; видишь, какъ милая рветъ на себѣ волосы, терзается; заклинаешь ея пощадить тѣнь усопшаго и умирить свое отчаяніе. (Тиб. кн. I. эл. 2.). Такимъ образомъ въ нѣжной элегіи чувство всегда должно быть оживляемо картинами представляемыми ему воображеніемъ. Не такова страстная элегія: предстоящій предмѣтъ наполняетъ всю душу, и страсть не задумывается.

Изъ отрывковъ нами приведенныхъ и которыхъ мы не осмѣлились перевести,

можно видѣть, какъ настроено чувство Тибулла и Проперція; но что бы почувствовать всю прелесть ихъ слога, надобно читать подлинники (*). Каждый изъ нихъ легокъ и точенъ, силенъ и приятенъ, естественъ, нѣженъ и прелестенъ. Квинтилліанъ почитаетъ Тибулла самымъ красивымъ и самымъ исправнымъ изъ всѣхъ элегическихъ поэтовъ Латинскихъ; между тѣмъ онъ признается, что Проперцій имѣетъ своихъ защитниковъ предпочитающихъ его Тибуллу: надобно признаваться, что и мы изъ сего числа.

Тибуллъ и Проперцій, совмѣстники Овидія въ живописной элегій, украсили ее всѣми прелестями воображенія: у Тибулла образъ Аполлона видѣннаго имъ во снѣ, у Проперція описаніе Элисейскихъ полей, у Овидія шоржество любви, лучшая изъ всѣхъ его элегій, суть восхитительныя картины. Такимъ образомъ элегія должна

(*) Переводъ 1-й элегій Тибулловой Дмитріева и нѣкоторыя Башушкова могутъ для незнающихъ Латинскаго языка замѣнить самый подлинникъ. Пер.

быть украшаема руками Грацій, когда только не одушевляется страстію или не растворяется чувствомъ. И о семь-то менѣ всего думали новѣйшіе: у нихъ элегія часто холодна и небрежна, а потому неприятна и скучна; но двумя только способами можно нравиться — забавляя или прогая.

Характеры трехъ славнѣйшихъ элегическихъ Стихотворцевъ: Тибулла, Проперція и Овидія.

Тибуллъ.

Тибуллъ постигъ и совершенно выразилъ сущность элегіи. Онъ умѣлъ навеспи умный безпорядокъ столь естественный въ семь родѣ сочиненій: подумаешь, что его элегіи суть единственно плодъ его чувства; повидимому въ нихъ нѣтъ ничего обдуманнаго, связаннаго; не видно въ нихъ ни искусства, ни предварительныхъ упражненій! Онъ хотѣлъ представить самую страсть и изобразилъ ее, живописуя ея движенія и дѣйствія чертами близкими къ природѣ; онъ желаетъ, боится, порицаетъ, одобряетъ, отвращается, лю-

бить, сердится, мирится; въ одну минуту переходить отъ мольбы къ угрозамъ, отъ угрозъ къ мольбамъ. Въ его элегїяхъ ничто не показываетъ вымысла — ни надутыя выраженїя столько ей противоположныя и необходимо предполагающїя принужденность, ни ученыя намѣканїя отнимающїя довѣренность у поэта: потому что онѣ противны естественности и разрушаютъ правдоподобїе. Въ Тибуллѣ все дышетъ истинною.

Онъ нѣженъ, естественъ, разборчивъ, страстенъ, благороденъ; гордъ безъ напыщенности, простъ безъ низости, красивъ безъ искусственности. Онъ чувствуетъ все, что ни говоришь и всегда говоришь это шакъ, какъ должно говоришь въ намѣренїи убѣдить другаго что ты это дѣйствительно чувствуешь. Изображаетъ ли онъ необитаемую пустыню? присушествїе Сульпиціи дѣлаешь ее приятною; представляешь ли онъ себя удрученнымъ скукою и разпоряжающимъ какъ будто при смерти свои похороны? онъ прогаешь, поражаетъ, проникаетъ; и во всякомъ случаѣ что бы онъ ни представлялъ, чит

тателя своего ставить во всё положеніи
имъ описываемыя.

Пролерцій.

Пролерцій точень, остроумень, учень
и по справедливости можетъ имяноваться
Римскимъ Каллимахомъ; онъ заслужи-
ваетъ сіе названіе по оборотамъ сво-
ихъ выражений, кои заимствовалъ онъ
обыкновенно отъ Грековъ. Его элегіи
суть произведеніе самихъ Грацій, и шотъ
не любятъ ничего изящнаго, кто не чув-
ствуетъ красоты ихъ. Его искусство, его
ощущеніе, его знаніе мифологій несравнен-
ны; иногда можно сдѣлать ему и упрекъ,
но картины его почти всегда нравятся.
Заснетъ ли тихимъ сномъ Цинтія? такова
была дочь Миноса, когда она оставленная
вѣроломнымъ любовникомъ заснула на бе-
регу; или дочь Цефея, когда она осво-
божденная отъ ужаснаго чудовища долж-
на была уступить шоготившему ея сну.
Проливаетъ ли слезы Цинтія? Ніоба, гор-
дая женщина превращенная въ скалу, ни-
когда столько не плакала. Изображаетъ
ли онъ простому прежнихъ нравовъ?
онъ приносить своей подругѣ цвѣты,

плоды, грозды съ виноградными вѣшьями. Наконецъ все выражаемое имъ сообразно съ истинною; а гармоническое спопосложение очаровываетъ въ высшей степени.

Овидій.

Овидій легокъ, приятенъ, обиленъ, остроуменъ; онъ обольщаетъ, изумляетъ своею несравненною легкостію. Онъ рассыпаетъ цвѣты полными руками; но онъ умѣетъ черпать изображенія только страстныя; искусственныя украшенія и замысловатость предпочитаетъ онъ языку природы, не заботится о чувствѣ и думаетъ только блеснуть мыслию. Всегда является онъ болѣе остроумнымъ, нежели страстнымъ; шутитъ даже и тогда, какъ изображаетъ предмѣты самые важные. Тщетно представляетъ онъ себя погибающимъ отъ бури на кораблѣ несущемъ его къ мѣсту изгнанія; онъ щипаетъ волны нагло стремящіяся одна за другою и съ хладнокровіемъ десящую называетъ самою большою:

... Qui venit hic fluctus, super eminent omnes;
Posterior nono est undecimoque prior.

Съ такимъ пѣйтическимъ слогомъ онъ ни чуть не убѣждаетъ меня въ свою пользу: я не раздѣляю съ нимъ его опасностей; очень вижу что онѣ вымышлены и увѣренъ, что когда онъ такимъ образомъ говорилъ, то былъ уже между Сармапами или по крайней мѣрѣ въ пристани. Словомъ, Овидій болѣе имѣетъ искусственныхъ украшеній и менѣе естественъ нежели Тибуллъ и Проперцій. Хотя онъ былъ ихъ совмѣстникомъ; но не столько нравился и не столько былъ уважаемъ во время Квинтилліана.

(Изъ Энцикл.) Г—ій.

Боги Индіи.

(Изъ Гердера.)

Большая часть Индѣйскихъ памятникъ основаны на религій: намъ извѣстно, какъ сильно дѣйствуетъ она еще и понынѣ надъ всѣми поколѣніями сего народа; ей должно приписать тѣ удивленія достойные храмы въ пещерахъ наполнен-

ныхъ изображеніями дѣяній ихъ Боговъ, тѣ безчисленные пагоды кои посвящены такъ сказать въ жилища ихъ кумирамъ; ей обязаны своимъ существованіемъ образа, кои бывають носимы при священнослуженіи; ей наконецъ принадлежатъ безчисленные зданія посвященные покою и тѣ великолѣпныя колонады, коими Индѣйцы окружали свои священные пруды. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ многіе безпокойные Европейцы взирали на сію землю какъ на жилище вѣчнаго покоя, простодушія и кротости. Сверхъ того большая часть исторій сихъ Божествъ столь приятно вымыслена, ихъ мифологія представляетъ столь совершенную метафизику жизни цвѣтовъ и плодовъ что изъ нея можно бы надѣяться получить предмѣты для прекраснѣйшихъ произведеній искусства.

Брама, Индѣйскій символъ творенія, изображается плавающимъ по тихой поверхности водъ на листочкѣ лотоса; *Сарасфаді* жена его, Богиня наукъ и гармоніи, держитъ книгу въ рукахъ или играетъ на цитрѣ.

Вистну, сила поддерживающая вселенную, принимает на себя 21 различных превращений; онъ является большею частью въ ужасныхъ, но нерѣдко и въ весьма приятныхъ видахъ. Въ образѣ прекрасной *Могны* онъ часто очаровывалъ и самого *Бога разрушенія*. Въ видѣ *Камы* являлся онъ юношею держащимъ въ рукѣ лукъ и стрѣлы, и освобождающимъ землю отъ чудовищъ и великановъ. Какъ *Балапатрель* и *Прассурама* училъ онъ людей быть прилѣжными и добродѣтельными: въ семь превращеній онъ самъ не зналъ, что былъ *Вистну* и управлялъ плугомъ. Въ видѣ *Крисны* приходилъ на землю наказывать гордыхъ и жестокосердыхъ Царей: шупъ всѣ Боги были готовы ему поклоняться и, воспѣвая хвалы, осыпали его цвѣтами; раздавалось согласное пѣніе небесныхъ духовъ и звѣзды низпосылали на землю благотворное свое дѣйствіе. Будучи вознишанъ пастухомъ, онъ часто подобно сему послѣднему стерегъ стада овецъ; сладкогласными звуками своей свирѣли привлекалъ къ себѣ самыхъ дикихъ звѣрей и очаровывалъ не только пасту-

шекъ, но и самыхъ пастуховъ. Его сопровождаютъ девять прелестныхъ дѣвицъ, съ которыми онъ танцуетъ и шумитъ. Онъ убилъ великаго змѣя *Калія*, защитилъ добродѣтельнаго царя *Дармарая*, вездѣ находилъ себѣ приверженцевъ и друзей, провождая веселую жизнь до своей смерти, которую онъ самъ себѣ избралъ. Онъ есть лкбимѣйшій богъ Индѣйскихъ женщинъ; въ превращеніяхъ своихъ является онъ чаще прочихъ божествъ съ веселымъ видомъ, увѣнчанный цвѣтами и украшенный драгоценными камнями. Таковыхъ преобразованій *Виснуну* находится много. Его супруга такъ какъ и одинъ изъ его сыновей, есть образъ красоты.

Лакшма супруга его, богиня изобилія, вышла съ богинею искусствъ и гармоніи изъ млечнаго моря. Виснуну нашелъ ее въ розѣ изъ 108 большихъ и 1008 малыхъ листочковъ, состоявшей и произвелъ съ нею *Каму* или *Манмади*, мучителя сердецъ, бога любви. Сей представляется дитя съ колчаномъ за спиною, съ лукомъ и стрѣлами въ рукѣ. Лукъ его — сахарная тростъ увѣнчанная цвѣтами,

шешива соспавлена изъ цѣпи пчель; стрѣлы его — заостренные цвѣты; ѣздитъ онъ на попугаѣ.

Прекрасная жена его *Ради*, образъ нѣжности, представляется стоящею колѣнями на конѣ, — и въ такомъ положеніи спускаетъ она стрѣлу.

Даже *Исвара* или *Сива* богъ разрушенія не всегда является въ ужасныхъ видахъ: какъ прекрасный нищій, умѣлъ онъ своими прелестями очаровывать и самыхъ добродѣтельныхъ женщинъ.

Вотъ главные божества Индіи; сверхъ того находятся между ними боги нижняго отдѣленія, представляемые также въ весьма приятныхъ видахъ.

Индра богъ непогоды, который хотя и съ громовою стрѣлою, но не грознымъ представляется богомъ. Какъ царь геніевъ и добрыхъ духовъ, онъ обитаетъ въ надземномъ раѣ, и правитъ шреями странами свѣта; колесница его тихо касается поверхности земной. При громовой стрѣлѣ держитъ онъ еще и цвѣтокъ. *Варуна* богъ морей изображается плавающимъ на рыбѣ. Богиня рѣкъ *Ганга*

идеть по тихо капающемуся потоку и держитъ въ рукахъ два водяные цвѣтка. *Арунъ* показываетъ путь колесницѣ солнца; онъ управляетъ 12-ю или 7-ю конями, слѣдуя велѣнїямъ Бога *Сурги*, который сидя за нимъ разгоняетъ ночные мраки. *Нареда*, сынъ Брамъ, великій законодатель, неподражаемый въ искусствѣ вести войну и жить мирно, носить въ рукѣ *Вину* Эолову арфу, которая производитъ отъ колебанїя воздуха тихую и сладостную гармонїю.

Наконецъ *Индійскія Нимфы* и *Музы* суть олицетворенїя невиннѣйшихъ и приятнѣйшихъ существъ природы: деревъ, плодовъ, цвѣтовъ, времени года, даже музыкальных тоновъ; онѣ суть нѣжнѣйшія произведенїя человѣческаго воображенїя.

Съ Нѣмец. П. Тюфлеевъ.

*Нѣчто о каменно - угольной ломкѣ
въ Бахмутскомъ уѣздѣ Екатери-
нославской Губерніи.*

При наступленіи нынѣшней весны хотѣлось мнѣ побывать на чистомъ воздухѣ и оставя городскую атмосферу, насладиться удовольствіями деревенской жизни. При томъ же чувствовалъ я потребность отдать долгъ свой и дружбѣ: все это заставило меня сдѣлать небольшое путешествіе, я удовлетворилъ себѣ; но желая и другимъ принести сколько нибудь пользы, описалъ я все видѣнное мною, и что особенно нашелъ достопримѣчательнаго, касательно до вышеозначенной каменно - угольной ломки, предлагаю здѣсь любопытству публики.

Одинаковыя чувства, правила и даже приключенія соединили меня за нѣсколько лѣтъ предъ симъ съ другомъ моимъ Г. де К — ве. Онъ живетъ теперь въ новомъ кругѣ дѣйствій, въ казенномъ Луганскомъ лилейномъ заводѣ; и тому прошло нѣсколько лѣтъ, какъ мы не видали другъ друга. Итакъ я не нашелъ лучшаго для

первыхъ весеннихъ дней занятія, какъ посѣщеніе моего друга. Проѣхавъ чрезъ лѣсистыя мѣста Зміевскаго уѣзда, переправясь чрезъ разлившійся Донецъ въ равнины Изюмскаго и пробравшись по гористымъ мѣстамъ Бахмутскаго уѣзда, наконецъ прибѣхалъ я въ Луганскій заводъ, гдѣ друга своего однакожь не засталъ. Сія неприятность вознаграждена была гостеприимствомъ и новымъ знакомствомъ съ почтеннѣйшимъ Директоромъ тамошняго завода Сп. Сов. Я. К. Н — омы. Въ домѣ сего чиновниками своими и окружающими сосѣдами любимаго и почитаемаго мужа, въ кругу любезнѣйшаго его семейства провелъ я нѣсколько дней и побѣхалъ въ Лисичій бояракъ, — откуда доставляется каменный уголь нужный для произведенія работъ въ заводѣ. Дорога вела вдоль рѣчки Луганки между скалами и известковыми горами, проширающимися по лѣвому берегу, что рѣдко бываетъ въ природѣ. Наконецъ довольно крѣпкій сѣрный запахъ далъ мнѣ почувствовать близость сего горнаго заведенія. Оно находится на превысокой горѣ, съ

которой глазъ обнимаетъ пространство на пятьдесятъ верстъ въ Воронежской Губерніи. Гордо течетъ Донецъ у подошвы горы съ сѣверо-запада къ юго-востоку, окруженный по мѣстамъ густымъ лѣсомъ. Необозримыя песчаныя степи на лѣвой его сторонѣ, между тѣмъ какъ на правой представляются луга и поля усеяныя курганами и многолюдными селеніями. Здѣсь, какъ говоритъ преданіе, стояли въ древности лѣса густые, не проходимые, истребленные переходившими съ мѣста на мѣсто Татарами. Надзиратель сего заведенія Г. Н. К., чиновникъ знающій весьма хорошо горную часть, принялъ меня дружески. Я опускался съ нимъ во внутренность земли и нашель, что сіе заведеніе, единственное въ Россіи, заслуживаетъ особенное вниманіе.

Каменно-угольная ломка въ *Лисичель* бояракѣ, въ 45 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Бахмуша и въ 80 верстахъ къ сѣверу отъ казеннаго Луганскаго литейнаго завода на правомъ берегу Донца лежащая, доставляетъ сему заводу ежегодно до 400,000 пудовъ горючаго матеріала;

крѣмъ того поступаетъ не малое онаго количество еще и въ продажу.

Вся страна около завода содержитъ въ себѣ уголь. Но поелику оныя земли по большой части принадлежатъ частнымъ людямъ, а козаки всякому изысканію препятствуютъ; по сѣи богатства не приносятъ пользы ни казнѣ, ни владѣтелямъ ихъ. Въ селѣ *Успенскомъ* въ 25 верстахъ отъ завода къ западу и въ *Ивановкѣ* въ 50 верстахъ къ сѣверу добываютъ уголь довольно успѣшно; но уголь сей не такой доброты, какъ въ *Лисичьемъ* бояракѣ: онъ очень мѣлокъ, хотя количество сѣры въ немъ и горючаго масла весьма значительно; онъ въ огнѣ спекается въ большія глыбы, отъ чего годенъ только для кузницъ и для обжиганія на коксѣ (1); въ семъ только видѣ годится онъ и для плавки чугуна.

-
- (1) Чистый каменный уголь отличается отъ прочихъ шѣлъ чернымъ своимъ блестящимъ цвѣтомъ и значительною хрупкостью. Онъ не имѣетъ ни вкуса, ни запаха и отъ 1,27 до 2,25 разъ тяжелѣе воды. Онъ горитъ съ пламенемъ, издаетъ большій дымъ и осаждастъ много сажи.

Въ этомъ горномъ заведеніи по сіе время открыты *семь словъ* камено-уголь-

разпространяя припомъ сильный запахъ подобно горному маслу, происходящій отъ примѣшанной къ нему сѣры, горнаго масла, смолы и другихъ веществъ. Сіи вещества, а особливо сѣра, дѣлающъ его неспособнымъ ко многимъ употребленіямъ на примѣръ, въ селищныхъ, винокуренныхъ и подобныхъ заводахъ, гдѣ отъ возгоняющейся сѣры легко поршился мелальные кубы и кошлы. Подобное тому бывало и въ Луганскомъ заводѣ, гдѣ крыша строенія, въ котлоромъ плавился чугунъ, желѣзная и не смотря на то что толсто и съ обѣихъ сторонъ покрыва была масляною краскою, весьма часто пропадала. Нынѣ заводскія строенія покрывы чугуною и весьма прочною черепицею.

Чтобы здѣлать удобнымъ каменный уголь для всякаго употребленія подобно древесному углю, надобно обжечь его т. е. опадѣлить отъ него сѣру и горное масло.

Сіе производися двоякимъ образомъ: въ кучахъ покрывыхъ землею подобно какъ у насъ жгутъ обыкновенный уголь, или въ особенныхъ для сего построенныхъ печахъ. Послѣ чего онъ въ горнѣи не издаешъ ни дыму, ни очень крѣпкаго запаха — и шакій уголь называешся по Англии-

ныхъ флещовъ, имѣющихъ паденіе отъ запада къ востоку среднимъ числомъ на 17 град. При сѣверномъ своемъ концѣ т. е. къ рѣкѣ слои сѣи падаютъ до перпендикуляра, даже съ изворотомъ отъ сѣвера къ югу.

Не всѣ слои равно выгодны для разработки и добыванія каменнаго угля, а именно:

Первый слой. Его толщина въ $5\frac{1}{2}$ футовъ (2). Онъ заключаетъ себѣ три прослойки селениша (3) отъ 1 до 4 дюймовъ толщиною. Самъ же уголь съ верху плотно сложенъ съ разбрызганнымъ сѣр-

ски *coaks*. Впрочемъ для хорошаго горѣнія пребудетъ онъ или поддуванія мѣха, какъ въ кузницахъ и пр. или нечей съ рѣшешками и поддувалами.

(2) Одинъ Росс. футъ имѣетъ 12 дюймовъ, а 28 дюймовъ или $2\frac{1}{3}$ фуша составляютъ 1 Росс. аршинъ.

(3) Соединеніе 100 часпей сѣрной кислоты, или такъ называемаго купороснаго масла и 72 часпей извести; или 100 часпей селениша содержатъ 58,14 часпей извести и 41,86 часпей сѣрной кислоты. Онъ называется также и гипсомъ.

нымъ колчеданомъ (4). Нижняя часть его тонко слоиста, прещиновата и слишкомъ уже колчеданиста; почему и признанъ онъ неспособнымъ на расплавку чугуна при литейномъ заводѣ, а удобенъ только для топки.

Второй слой, называемый Мейнъ. Его толщина въ три фута; сизый смолистый уголь, послоямъ коего попадаетъ налетѣвшій и побѣжавшій сѣрный колчеданъ.

Третій слой, слинтъ. Смолистый уголь съ слоистымъ взаимно между собою соединенные. Мѣстами попадаетъ въ ономъ сѣрный налетѣвшій колчеданъ. Въ половинѣ же толщины слоя находится прожилокъ смолистаго шифера (5) съ прослойками сѣрнаго колчедана и селенита.

-
- (4) Соединеніе 100 частей желѣза и 117,5 частей сѣры или; во 100 частяхъ сѣрнаго колчедана содержится 54 части сѣры и 46 частей желѣза.
- (5) Шиферъ и Сланецъ причисляется къ породамъ глинистымъ. Способность его разбиваться на тонкія дощечки опличаетъ его довольно хорошо отъ другихъ ископаемыхъ. Обыкновенно имѣетъ онъ цвѣтъ черноватый или темно сіній и раздѣляется на разлитые виды. Онъ

Сей слой въ 1807 году загорѣлся. Не смотря на то работа на противоположномъ концѣ флеца продолжалась до 1814 года. Между тѣмъ сколько ни старались потушить пожаръ или возпрепятствовать разпространенію его помощію каменныхъ стѣнъ; но все было тщетно, онъ отъ времени до времени увеличивался, стѣны отъ жестокости жара разрушались и на конецъ всѣ мѣста разработанныя заняты были пожаромъ. Надзирашеть Г. Н. К. говорилъ мнѣ, что онъ самъ опускался въ шахты во флецъ какъ для постановленія преграды пожару помощію стѣнъ, такъ и для ободренія работавшихъ тамъ людей. Онъ увѣрялъ меня, что никогда еще ему такого зрѣлища не случилось видѣть: цѣлый слой земли состоялъ какъ будто изъ желѣза до бѣла разкаленного.

Находились только въ горахъ второзданныхъ или флечовыхъ; удѣльный вѣсъ его бываетъ 2,876, съ кремнемъ онъ не издастъ искръ. При разложеніи синяго пурпуроваго шифера Кирванъ нашель во 100 онаго частяхъ 46 ч. кремнистой 26 ч. квасцовой земли, 8 ч. мыловки, 4 ч. углекислой извести и 14 ч. желѣза.

Жаръ такъ былъ великъ, что нельзя было спавить стѣнъ ближе 15-ти или 16-ти шаговъ отъ калящагося уголья; но и это дѣлали такъ: шесть человѣкъ, положивъ на стѣну по кирпичу, скорѣе должны были удаляться и потѣмъ часъ смѣнялись другими шестью человѣками. Черезъ день однакожь обыкновенно не оставалось уже и слѣду этой стѣны. Чадъ производившій отъ горящихъ угольевъ такъ былъ силенъ, что надзирашеть, какъ онъ самъ въ томъ признавался, нѣсколько разъ почти падалъ въ обморокъ; но, дабы не обнаружить своего состоянiя рабочникамъ, онъ потѣмъ удалялся изъ ямъ подъ видомъ дальнѣйшихъ распоряженiй. Наконецъ не было уже возможности опускаться въ шахты. Въ землѣ часто слышенъ былъ ужасный трескъ и выстрѣлы подобные пушечнымъ. Изъ шахтъ поднимался дымъ черный и густой, а иногда выходили даже и искры, какъ изъ огнедышущей горы. Наконецъ зима 18¹⁵/₁₆, при неусыпномъ начальствѣ, дава средство къ потушенiю сего подземнаго ада. Въ сiю зиму выпало снѣгу болѣе обыкновен-

наго; его безпрестанно возили къ горѣвшимъ шахтамъ и шуда бросали. Весною, когда снѣгъ началъ таять и дожди ипни, проведены были къ шахтамъ со всѣхъ возвышенныхъ мѣстъ каналы для спока шуда воды. Такимъ образомъ мало по малу потушили жаръ, и съ половины 1816 года работа въ семъ флеть производилась опять безпрепятственно.

Четвертый слой, тонкій сплитъ. Толщина его въ $2\frac{1}{3}$ фута. Это слоистый каменный уголь, способный къ добыванію большими глыбами; онъ удобенъ для производствъ заводскихъ, но только невыгоденъ для обработки по причинѣ малой толщины своей.

Пятый слой, черн. Его толщина въ $2\frac{1}{2}$ фута. Это опять слоистый каменный уголь, и совершенно почти не отличающійся качествомъ своимъ отъ угля четвертаго слоя; разница та, что сей имѣетъ по срединѣ прослойку мѣлкосложнаго глинистаго шифера. Сей слой по малой своей толщинѣ также не выгоденъ для обработки.

Шестой слой, каменный уголь вонючій. Онъ открытъ подлѣ источника въ

обмоинѣ, гдѣ при небольшой обработкѣ оказался въ $2\frac{1}{3}$ фуша толщины. Онъ есть мѣлко-слоистый каменный уголь, перемежающійся съ прослойками селенита и проникнутый сѣрнымъ колчеданомъ. Сей слой вѣроятно въ глубинѣ своей будетъ крѣпкосложнѣе, но онъ чрезвычайно сѣристъ и развѣ способенъ только для обжиганія на коксъ и для ошопки. При всемъ томъ онъ не шлестъ и ломка его затруднительна.

Седьмой слой начали разрабатывать при года тому назадъ, хотя онъ и прежде еще былъ извѣстенъ. Его толщина въ $6\frac{2}{3}$ фуша. Это смолистый каменный уголь, съ признаками сѣрнаго колчедана и селенита. Онъ при открытіи своемъ близъ поверхности земли, что называютъ у насъ рудокопы *хвостомъ* а въ Германіи *Blume* (цвѣтъ), оказался не крѣпкосложнымъ. Но дальнѣйшая его обработка показала, что уголь сей сложенія крѣпкаго. При почвѣ своей онъ весьма смѣшанъ съ сѣрнымъ колчеданомъ, который попадаетъ иногда толщиной до 1 дюйма и больше и довольно чистый.

Всѣ выше описанные слои лежатъ параллельно одинъ съ другимъ; но они пережимаются мѣстами или вытѣсняются близъ лежащими породами на не большое разстояніе, что называется у рудокоповъ *перевалами*, потомъ опять принимаютъ первое свое направленіе и толщину. Изъ сихъ слоевъ добывается уголь съ немалымъ затрудненіемъ узкими проходами въ толстому оныхъ. Во избѣжаніе деревянной или каменной крѣпи оставляють столбы угля для подкрѣпленія и поддерживанія крыши, и смотря по надежности покрывающей слой угля породы, чаще или рѣже. Въ ящикахъ сани называемыхъ, и окованныхъ крѣпко желѣзомъ, тащашъ уголь сей отъ мѣста ломки до шахты (*), гдѣ

(*) Шахтою называется отверстіе, на подобіе колодезя идущее отъ поверхности земли до подземныхъ ходовъ, чрезъ которое въ нихъ сходящъ, выпускающъ свѣжій воздухъ и поднимающъ породы. Она обыкновенно бываетъ въ видѣ параллелограмма, коего бока составляютъ длинныя отъ три а короткіе по два аршина. Она укрѣпляется по бокамъ, особливо въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ почва земли не такъ крѣпка, для безопасно-

они посредством машинъ поднимаются на поверхность земли. Машинъ сѣи здѣсь находятся двоякаго рода. 1) Надъ вверху укрѣпленной шахтою находится лежачій валъ на подставкахъ или ножкахъ вдѣланныхъ у устья шахты такъ, что онѣ не разшатываются; около вала обвивъ канатъ, у котораго на обоихъ концахъ находятся крѣпкіе желѣзные крюки, и къ нимъ привѣшены бадьи или ящики. Когда два человѣка вертятъ валъ сей находящимися на обѣихъ концахъ его рукоятками, то одинъ порожный ящикъ опускается въ низъ, а другой въ то же время съ угольемъ поднимается вверхъ: опущенный же пустой ящикъ наполняется внизу стоящимъ человѣкомъ. И такъ иѣтъ ни одной минутой, что бы руда не поднималась, когда при поднятіи и опущеніи прочихъ двухъ ящиковъ третій наполняется и тотчасъ вмѣсто опущеннаго пустаго прицѣпляется ящикъ съ угольемъ.

2.) Другая машина употребляемая при весьма глубокихъ шахтахъ движется съ

спи подспыми деревянными брусъями подобно колодезу.

помощью лошадей. Подлѣ шахты укрѣплено горизонтальное колесо, имѣющее въ діаметрѣ около пяти аршинъ и обвитое крѣпкимъ канатомъ, котораго концы протянушы на маленькихъ блокахъ входятъ въ шахту и безпрестанно по поднимають уголь, по опускають пущыя сани.

Для изстребленія вреднаго въ подземныхъ ходахъ воздуха и для пропуска свѣжаго, равно и для отвода выходящейся отсюда изъ земли влаги здѣланы въ удобныхъ мѣстахъ шtolьны. (*) Ихъ находится здѣсь три или четыре. Ведущая во второй и въ третій слой достойна особеннаго вниманія. Она выложена на 80 сажень длины песанымъ пещанымъ камнемъ; шириною болѣе 4 хъ фузовъ и такъ высока, что безъ нужды въ ней можно ходить. Число же шахтъ простирается до 100, изъ которыхъ нѣкоторыя служатъ только для обращенія воздуха, а другія по причинѣ болѣе и

(*) Шtolьна есть подземный ходъ идущій поперекъ нѣсколькихъ ямъ, и выходящей у подошвы горы или въ ближайшей долинѣ.

болѣе простирающихся подъ землею ходовъ слишкомъ уже далеки отъ ломки, чтобы изъ нихъ поднимать уголь. Самая глубокая шахта имѣетъ 43 сажени и ведетъ въ третій слой.

Подземные ходы по сѣе время выработанные простираются отъ юга къ сѣверу на 300, а отъ Запада къ Востоку на 90 сажень.

Въ землѣ работаютъ непрерывно отъ 100 до 140 человекъ, а вообще при угольной ломкѣ находится 300 работниковъ; съ женами и дѣтьми всѣхъ вообще 607 душъ. Но кромѣ сихъ казенныхъ работниковъ присылаютъ сюда часто окружные помѣщики непослушныхъ своихъ подвласныхъ для исправленія; и исправленіе сѣе такъ дѣйствительно, что часто самыя жалкіе пьяницы, воры и пр. возвращаются къ своимъ господамъ какъ самыя лучшіе люди. Разумѣется, что помѣщикъ имѣетъ право требовать возвращенія своего человека когда ему угодно, и не платя ничего за его содержаніе.

На отвалахъ (муссеряхъ) нашель я квасцы и желѣзный купоросъ въ большомъ

количествѣ, которые требуютъ простаго только выщелачиванія и выварки, чтобы поступить въ продажу.

Такъ провелъ я въ полномъ удовольствіи, съ успокоеннымъ любопытствомъ и съ пользою въ семь горномъ заведеніи цѣлые сутки; разпрашивалъ, разсматривалъ и записывалъ все что можно было. На другій день, поблагодаривъ добраго и гостеприимнаго своего хозяина, поѣхалъ обратно въ Луганскій заводъ, гдѣ съ восторгомъ обнялъ своего друга. /

Докторъ Орестъ Шуманъ.

Харьковъ.
20 го Мая
1817.

II. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

а) ПРОЗА.

Пѣніе птицъ.

(Изъ Шатобріана.)

Природа имѣетъ свои торжественныя времена, для которыхъ сзываетъ она пѣвцовъ и пѣвицъ со всѣхъ странъ свѣта. Тутъ собираются отовсюду искусные музыканты съ удивительными сонатами, скитающіеся трубадуры съ маленькими балладами, странники повторяющіе тысячу разъ куплеты своихъ длинныхъ пѣсень. Иволга свищетъ, голубь воркуетъ, ласточка щебечетъ: первая сидя на высокой вѣтви вяза хочетъ оспорить нашего дрозда, ни въ чемъ не уступающаго сей пришельцу; другій скрывшись въ листьяхъ дуба гонитъ вдаль съ приятное воркованье, подобно волнистымъ звукамъ рога отзывающагося въ лѣсахъ; третья наполняетъ слухъ нашъ своимъ смѣшаннымъ пѣніемъ, точно также какъ и во

времена добраго Эвандра. Красношейка поетъ свою пѣсенку, сидя надъ дверьми жишницы, гдѣ она свила себѣ большое мшистое гнѣздо. Одинъ соловей не хочетъ, что бы голосъ его терялся посреди сей симфоніи: онъ ожидаетъ, пока ночь приведетъ съ собою молчаніе, и беретъ на себя ту часть празднества, которая должна быть совершаема во мракѣ повсемѣстныхъ тѣней.

Бываютъ таинственные часы, когда первое спокойствіе наступающей ночи возмущается еще послѣднимъ шумомъ дня глухо отзывающимся по скаламъ, берегамъ рѣкъ, по лѣсамъ и долинамъ; когда горизонтъ еще нѣсколько освѣщенъ, но земля уже покрывается густымъ мракомъ. Въ сіе мгновеніе природа съ своими дремучими лѣсами, вершины коихъ освѣщаются послѣднимъ блескомъ дня, подобипся древнему храму, котораго олшарь приосѣненъ ~~освѣщенъ~~ ^{освѣщенною} ~~освѣщенною~~ темною, между тѣмъ какъ круглый его куполь возносящійся подъ облака блеститъ отъ лучей солнца. И въ сію-то минуту Филомела настраиваетъ свои первые звуки: когда

въ лѣсахъ умолкнушь всѣ голоса, ни травка ни листокъ болѣе не шевелится, луна взойдетъ на небо и человѣкъ сдѣлается особенно внимателенъ ко всему его окружающему; тогда первый пѣвецъ творенія начинаетъ возглашать свои гимны Вседержителю. Вдругъ голосъ его дробится въ яркихъ огголоскахъ радости, потомъ приходитъ въ безпорядокъ; отъ полныхъ тоновъ переходитъ къ рѣзкимъ, отъ тихихъ къ громкимъ: онъ останавливается, медлитъ, оживляется опять и опять выражаетъ возшорги сердца трепещущаго отъ любви. Но вдругъ тоны его ослабѣваютъ и соловей умолкаетъ. Вотъ онъ начинаетъ снова. . . . Какая переменна въ его пѣннѣ! какъ нѣжна теперь его мелодія! ты слышишь томныя хотя разнообразныя отпѣненія звуковъ; ты безъ всякихъ переменъ ведешь онъ свой голосъ однотонно, подобно древнимъ Французскимъ романсамъ — симъ образцамъ пронопы и меланхоліи.

Пѣніе можешь также часто означать печаль, какъ и радость. Птица, поперявшая своихъ птенцовъ, поетъ еще, — еще

повторяетъ она пѣсню своихъ щастливыхъ времянь: потому что другой она и не знаетъ. Съ обыкновеннымъ своимъ искусствомъ задумчивая пѣвица только перемѣнитъ ключъ, и звуки радости превращаются для нея въ пѣснь унынія.

Не хотѣющіе признать человѣка владыкою природы желали бы также доказать, что нѣтъ въ ней ничего такого, что бы сотворено было исключительно для него; но пѣніе птицъ такъ принаровлено къ нашему слуху: что мы какъ бы ни досаждали симъ обитателямъ лѣснымъ разоря ихъ гнѣзды, преслѣдуя ихъ, поражая и разсѣвывая сѣщи, — мы имъ не можемъ ни досадить, ни принудить ихъ къ молчанію. Вопреки намъ онѣ насъ улаждаютъ, исполняя законъ природы. Бывъ заключены въ нашихъ домахъ, онѣ еще болѣе разнообразятъ свое пѣніе. Конечно есть какая-то тайная гармонія въ несчастіи; ибо всѣ несчастные склонны къ пѣнію. Наконецъ жестокій птицеловъ выкалываетъ глаза соловью, но его пѣніе дѣлается еще пріятнѣе: сей Гомеръ птицъ живетъ однимъ только пѣніемъ, и поперяв-

ши зрѣніе составляетъ пѣсни еще прекраснѣйшія. „Демодокъ, говоритъ Хіосскій стихотворецъ принимая на себя образъ пѣвца Феакіянъ, былъ любимцемъ Музы; но она для него соединила добро со зломъ: сдѣлала его слѣпымъ, одаривши приятностію пѣнія.“ Сія птица, есть истинный образъ Христіанина на землѣ: подобно ему предпочитаетъ она уединеніе шумному свѣту, небо землѣ; и все существо такого человѣка по видимому превращается въ одно сердце — что бы любить Бога и въ голосъ — чтобы воспѣвать его чудеса.

Глаф. Шумлянская.

Харьковское кладбище.

Contemplatio mortis optima philosophia.

Въ преклонныхъ лѣтахъ истинна должна лучше занимать и питать насъ, чѣмъ блестящія мечты и остроумные вымыслы. У меня нѣтъ ни единой искры генія, водившаго перомъ пламеннаго Юнга при сочиненіи ночныхъ его размышленій: сія неподражаемая поэма есть самая трогательная

злегія о-бѣдствіяхъ рода человѣческаго, равно какъ и краснорѣчивѣйшее изложеніе спасительныхъ истинъ нравственности, здоровой философіи и утѣшительной Религіи; но я люблю подобно Юнгу, Гервею и Грею прохаживаться по кладбищамъ и заниматься поучительнымъ чтеніемъ надгробныхъ надписей. Если бы я сдѣлался сельскимъ священникомъ; то вѣрно украсилъ бы кладбище своей церкви прекрасными аллеями, благовонными кустами и лучшими цвѣтами. Мое кладбище занимало бы охотниковъ до уединенныхъ прогулокъ. Если угрызеніе и раскаяніе влекутъ преступниковъ къ олшарямъ Религіи, которая какъ нѣжнѣйшая мать не отвергаетъ никого; то кладбище должно имѣть привлекательную силу для мудраго — склоннаго къ размышленію, особливо же при закатѣ солнца жизни. Книги могутъ быть полезными наставниками; а болѣе всего краснорѣчивыя проповѣды Бурдалу, Боссюэша, Массиллѳона, Сореня, Тиллошсона, Цолликофера и Платона. Конечно нельзя допрашивать мертвыхъ; но хладный прахъ усопшихъ ста-

новится краснорѣчивымъ гласомъ и полезнѣйшимъ урокомъ для живыхъ; ибо истинна нигдѣ ниже въ храмахъ не зараниваетъ столько искръ, какъ на кладбищахъ. Тамъ мавзолеи, гробницы, кресты и эпитафїи говорятъ громко о томъ, что прежде было и чего уже нѣтъ! Какъ величественъ и достоинъ подражанїя и для самыхъ Христїанъ Іераспольскїй мундрецъ въ своей молитвѣ: „Всемогущїй! призови меня къ себѣ, естли то угодно святой твоей волѣ. Я совершилъ безпорочно свое поприще. . . Косми мои да почиють въ мирѣ!“

Долго готовятъ дѣтей къ обязанностямъ будущаго ихъ назначенїя; почти возмужалымъ заранѣе не привыкать къ размышленїю о неминуемой смерти? Вѣра и надежда — какїя божественныя добродѣтели! и безъ утѣшительнаго ожиданїя безсмертїя, кто можетъ спокойно и весело прейти путь жизни преизполненной суетности, обмана, скорбей, болѣзней и страданїй? Колыбель и гробъ равно покрыты непроницаемою завѣсою неизвѣстности. . . И что есть должайшая

жизнь въ сравненіи съ вѣчностію? мгновеніе, которое, по словамъ одного писателя, лишь только успѣетъ отдѣлиться отъ будущаго какъ уже и поглощается прошедшимъ. . . Что есть самая щастливая жизнь? капля воды блестящая отъ радужныхъ лучей солнца и при слабѣйшемъ дыханіи зефира съ утеса или съ древеснаго листка падающая въ море! Но Евангельская вѣра и надежда на безсмертіе души вошь незыблемыя подпоры колеблющемуся, особливо на краю гроба! тогда могила есть приятное отдохновеніе утомленному! Вошь истинныя и спасительныя потребности сей коловращной и крапкой жизни, — ими бѣдное и всегда мятущееся сердце человеческое подкрѣпляется. Справедливо говоритъ Мокшецкѣ: „я не столько низокъ какъ матеріалисты; съ удовольствіемъ помышляю о безсмертіи моей души, и вѣчное блаженство предпочитаю цѣлому столѣтію, щастливо проведенному на землѣ. „

На Харьковскомъ кладбищѣ заслуживаетъ мое особенное вниманіе памятникъ, воздвигнутый знаменишому Прошотерею

Отцу Михаилу Шванскому. Я воздамъ съ благоговѣнїемъ жертву самую простую, купно и самую искреннюю праху сего достойнѣйшаго Пастыря. Умъ, ученость, скромность и опимѣная нравственность отличали особу сего сановитого и благочестиваго мужа. Я зналъ мало покойниковъ, о коихъ вообще столько сожалѣли, какъ объ О. Шв. Если бы вѣрили призракамъ то надлежало бы искать его тѣни въ Х. Соборѣ, гдѣ часто гремѣло его краснорѣчїе, или въ Коллегіумѣ, гдѣ подь его руководствомъ образованы были многіе нынѣ дѣлающіе честь ихъ почтенному сану и коимъ принадлежитъ преимуществу достойно хвалить образовавшаго ихъ наставника. Другїй Протоіерей Опець Иванъ Гилевскій, подобно милосердому Самарянину, разпространялъ свои благодѣянїя на всѣхъ безъ различїя вѣрь.

Кто не почититъ прахъ добродѣтельнаго Густава Борисовича Фонъ Буксгевдена? Память его священна для тѣхъ, кои имѣли щастьїе пользовашься его наставленїемъ. Онъ давалъ правила и примѣры своимъ питом-

дамъ. Благонравіе и благочестіе обитали въ его домѣ; одна болѣзнь могла удерживать сего достопочтеннаго Директора отъ ежедневнаго посѣщенія ввѣреннаго ему Х. Училища. У него все бывало начинается и оканчивается призываніемъ и благодарнымъ хваленіемъ Изсточнику всѣхъ совершенствъ и Подателю всѣхъ благъ. Я имѣлъ щасліе иногда быть по воскресеньямъ при отправленіи службы въ домѣ покойника; и мое благоговѣніе всегда усугублялось, когда покойная его тѣща Анна Ивановна Гюршъ, при трогательномъ мѣстѣ изъ читанной проповѣди, съ сердечнымъ вздохомъ устремляла къ небу очи омоченные слезами умиленія: тогда незабвенная покойница казалась мнѣ въ плоти Ангеломъ — направляющимъ полетъ свой къ небеснымъ обителямъ. Герой Румянцовъ-Задунайскій самъ оказалъ вниманіе къ душевнымъ достоинствамъ Анны Ивановны, и при открытіи Х. Намѣстничества бывъ здѣсь, всегда чрезъ Адъютанша своего освѣдомлялся о здоровьѣ сей рѣдкой дамы. Ея Супругъ Ив. Никол. Гюршъ обогатилъ Х. Губернію преле-

стинными розами. Не забуду никогда и моего друга Ив. Ив. Кеппена — честнаго, искуснаго и примѣрнаго Врача! Съ сердечнымъ прискорбіемъ всегда останавливаюсь при могилахъ скрывающихъ остатки двухъ Шведовъ Барона Гастфера и Капитана Элмина, жалѣя о жестокой судьбинѣ удалившей ихъ въ старости отъ родины, отъ дѣтей и кровныхъ. Я часто былъ печальнымъ свидѣтелемъ тому, какъ они иногда посковали по сродникамъ и друзьямъ. Можно ли въ старости промѣнять отечественную сторону на чужую для исканія себѣ щастія? Едва и молодость служишь можешь извиненіемъ въ семъ отважномъ поступкѣ. Какъ дѣти, говорить достопочтенный Докторъ Гуфеландъ, начинаемъ жизнь, какъ дѣти и кончаемъ ее. Обѣ крайности жизни касаются одна другой; мы возвращаемся въ тоже слабое состояніе, какими были въ началѣ жизни; намъ потребны бывають родители; мы обрѣщаемъ ихъ въ благодарныхъ дѣтяхъ, кои платятъ намъ часть благодарній имъ оказанныхъ. Безбрачный, скипшающійся далеко отъ родины, не участвуешь

въ семь мудромъ учрежденіи природы. Особливо холостый въ старости, какъ изсохшее дерево, спойти уединень и оставлень; онъ тщетно надѣется чрезъ деньги въ наемной помощи снискать себѣ podporу, которую доставила бы связь кровнаго родства.

Я всегда погружаюсь въ глубокую печаль на Турецкомъ кладбищѣ. Не многіе посѣщаютъ мѣсто, гдѣ покоятся сіи чада Магомета. Всѣ кладбища въ моемъ умѣ нераздѣльны; я иду мимо пышныхъ громадъ камней и только нравятся мнѣ деревъ я ихъ осѣняющія. Люблю могилы заросшія густою травою цвѣтами изнещренною, могилы замѣченныя простою урною на пьедесталѣ; или крестомъ симъ Символомъ смиренія, терпѣнія, борьбы, побѣды и торжества. Нельзя смотрѣть безъ умиленія на мѣсто, гдѣ покоится К. Як. Неклюдова урожденная Захаржевская! Слишкомъ рано увяль сей прекрасный цвѣтокъ! Равно и превосходный юноша Сергѣй Изв. Бахтинъ, подававшій о себѣ величайшую надежду. Я приятно мечтаю о прошедшемъ при памяш-

микѢ моего друга М. Дан. Драгомира — чувствую уваженіе къ памяти его брата Н. Д. Д., который пользовавшисъ довѣренностью четырехъ Губернаторовъ, ничего не нажилъ. Рѣдкой Феномень безкорыстія! Жаль, что мнѣ не извѣстно мѣсто, гдѣ лежитъ старуха Горемыкина, которая имѣла счастье поднимать блиномъ Петра I-го въ Харьковѣ. Поелику все необыкновенное достойно вниманія; то я не безъ удовольствія взираю на могилу О. И. Шибеля, на которой погибла собака отъ тоски по хозяинѣ. Рѣдкіе примѣры вѣрности приятны даже въ самыхъ животнохъ.

Какъ часто прохаживается по кладбищамъ и взираетъ на обителѣи смерти и плѣнія томъ, кто Христіанинъ не по одному имени и по обрядамъ! Смертные! вѣрьте въ безсмертіе души изъ любви къ самимъ себѣ! Какъ дерзаетъ суетный мудрователь не вѣрить тому, чему вѣрили божественные Фенелонъ и Невтонъ? Родители! сообщите заранѣе вашимъ дѣтямъ утѣшительныя истины Х. религіи! Это лучшее наслѣдство, каковое

нимъ оставишь можно. . . . Для родителей что дороже образованныхъ, благонравныхъ и щастливыхъ дѣтей? Въ признательныхъ сердцахъ ихъ останется память родителей; а не въ приобрѣщенныхъ ими плѣнныхъ сокровищахъ, питающихъ лишь только суешность, тщеславіе, гордость, заблужденія и пороки. Родители! доспавьте вашимъ дѣтямъ Христіанское воспитаніе правиломъ и примѣромъ. Тогда ваши имена пребудутъ на земли почтенны и священны для дѣтей! Сравниваютъ добраго Государя съ чадолюбивымъ отцемъ; но съ однимъ только Богомъ сравниться можетъ добрый отецъ: поелику онъ сообщаетъ своимъ дѣтямъ нравственную жизнь, сіе первое сокровище въ свѣтѣ и вѣрное поручительство временнаго и вѣчнаго блаженства. Все скоро проходитъ: красота тѣлесная увядаетъ, богатство рождаетъ жадность и скупость и тѣмъ безпокойствъ — терзающихъ насъ до гроба, почести томительны, очасіе коловращно, короны и все земное величіе оставляютъ пустоту въ сердцѣ, — даже умъ и геній ослабѣваютъ въ старости;

но добродѣтель безсмертна, и она уже и здѣсь получаетъ свою награду. Воздержаніе обезпечиваетъ здоровье, умѣренность утверждаетъ спокойствіе, а упованіе на Бога усугубляетъ терпѣніе и мужество для перенесенія всего. Какъ достойна поприщанія жадность къ богатству, когда свѣтъ насъ оставляетъ! Отъ сихъ ложныхъ благъ погибають здоровье, веселіе, счастье; умъ, сердце и совѣсть повреждаются. Не пораженіями, ни бѣдностью палъ древній Римъ; но богатствомъ и роскошью вселенныя! Какъ могущеслвенна и плѣнительна добродѣтель! Около гроба добродѣтельнаго собираются люди всѣхъ спранъ, вѣръ и всѣхъ сословій. . . . и память его вѣчна. Достоинство цѣнится по пользѣ приносимой человечеству; но еслии стѣсненъ кругъ нашего дѣйствія и средства къ произведенію добра ограничены, за то воля наша безпредѣльна и справедливое. Небо, взирая на благія желанія, пріемлетъ волю за самое дѣйствіе.

Премудрость принадлежитъ одному Богу; слава есть удѣлъ истиной добро-

дѣтели, которая тверже мрамора и мѣди. Уже нѣтъ въ Парижѣ статуи добраго Короля Генриха IV; но имя его вѣчно пребудетъ въ сердцахъ добрыхъ Французовъ, и поселяне до позднѣйшаго вѣка будутъ повторять слова изъ являющія всю нѣжность сердца сего Отца-Монарха. Въ С. П. Б. дышетъ въ мѣди священный образъ величайшаго Россійскаго Монарха, и сей памятникъ, воздвигнутый генію геніемъ, украшаетъ еще болѣе искусную отдѣлку Фалконета... Слава добрыхъ Царей вѣчно сіять будетъ въ Лѣтописяхъ человечества! Нельзя безъ умиленія читать эту страницу, гдѣ Плиній упоминаетъ о ешауѣ одного Римлянина, коея бронзовые руки изтерлись отъ лобызаній народа. Какъ не благоговѣть къ памяти того благодѣтельнаго Лорда, коего провожали до гроба яри тысячи нищихъ съ рыданіемъ и слезами?!

Съ края Х. кладбища представляется взорамъ обширный горизонтъ. Я обыкновенно отдыхаю на мягкой муравѣ, любясь цвѣтами; но на кладбищѣ, поблекшіе цвѣты трогаютъ меня болѣе, чѣмъ раз-

вертывающіеся. Я смотрю внимательно на излучины рѣки Харькова, какъ на изображеніе переменныхъ явленій жизни. Съ города обращаю взоръ на разбросанныя хижины мирныхъ и трудолюбивыхъ поселянъ, не беспокоящихся о тонкостяхъ большого свѣта, не вѣдающихъ мучительныхъ заботъ горожанъ, не хопящихъ промѣнять милую простоту природы на искусственность часто пустыхъ обрядовъ, истинныя добродѣтели на шарлатанство и паншомимъ ложныхъ добродѣтелей. Исчезающій изъ трубъ дымъ есть радостный вѣстникъ скорого окончанія дневныхъ трудовъ. Послѣ умѣренной трапезы и усерднаго возблагодаренія небесному Промыслителю, грядетъ благодѣтельный сонъ, возобновляющій силы для началія новыхъ трудовъ. Какъ дымъ, какъ легкій паръ, исчезли мои зашѣи и желанія; осталось токмо горькое сожалѣніе объ упрямѣ безцѣннаго времени, когда я гнался за многоразличными химерами. Но пламенющій западъ прерываетъ мои мысли и сѣшваніе. . . . Я обращаю глаза на солнце, гонимое, оставивъ

наше полушаріе, озарить другое животворнымъ своимъ свѣтомъ; и думаю о запасѣ нужномъ на пути къ вѣчному жилищу,— гдѣ честолюбецъ уже не домогается новыхъ почестей, сребролюбецъ не алчетъ новыхъ сокровищъ, развращенный не разставляетъ болѣе пагубныхъ своихъ сѣтей для уловленія невинности и честности. . . и гдѣ наконецъ щастливый порокъ не затмѣваетъ уже сіянія скромной и часто угнѣтаемой добродѣтели.

Взоръ мой устремляется къ небеснымъ жилищамъ, и я возклицаю: Отецъ небесный, подашь всѣхъ благъ! благословеніе Твое да покоится на мнѣ до послѣдняго издыханія.

Ив. Вернетъ.

Первое письмо Гердера о Лессинговой Статѣ, подъ названіемъ: какъ изображали смерть древніе?

Знаменитый Лессингъ старался доказать, что *смерть* у древнихъ изображаема была въ видѣ юноши тихо погашающаго факель. Гердеръ въ 12-ти письмахъ дѣлаеть многія возраженія и примѣчанія, которыя, впрочемъ не разрушая очарованія сей приятной мысли, даютъ очень хорошее понятіе о различныхъ изображеніяхъ на древнихъ гробницахъ и другихъ памятникахъ. Здѣсь помѣщается первое письмо.

„Мысль, что „Греки изображали Смерть въ видѣ юноши, который въ спокойномъ положеніи, съ унылымъ поникшимъ взоромъ гасилъ надъ умершимъ факель жизни“ мысль сія имѣеть въ себѣ нѣчто столь приятное, что мы охотно ей предаемся. Ишакъ вы можете повѣрить, что сочиненіе Лессинга представляющее намъ сіе прелестное изображеніе прочель я отъ начала до конца со вниманіемъ, которое отъ обширныхъ познаній сего великаго

мужа и приятности его слога съ каждою страницею умножалось.

„Мы претерпѣваемъ множество естественныхъ и необходимыхъ золъ; для чего же намъ искать еще не нужныхъ и искусственныхъ? Чаша смерти, сладка ли она или горька, ждетъ насъ довольно долго; для чегожъ, прежде нежели вкусимъ отъ нея, отправлять намъ ее предчувствіемъ и спрашивая привидѣнія можешь быть совсѣмъ въ природѣ не существующаго и которое по крайней мѣрѣ не должно бы существовать въ области искусствъ?

„Не одно желаніе успокоить себя, для котораго человѣкъ столь много принимаетъ, — самая истинна кажется противурѣчіе тому отвратительному изображенію, въ которомъ дѣши и малодушные представляютъ себѣ смерть. Хотя наши записные стихотворцы и твердятъ безпрестанно о бореніи со смертію, мутности глазъ, хрипѣніи, оцѣпенѣніи, ужасѣ и трепетаніи такъ какъ о смерти; но это есть только неправильное употребленіе словъ: потому что все сіе не есть смерть, но болѣзнь. Могу ли я дать

понятіе о спокойствіи пристани, когда мысль о ней смѣшиваю съ понятіемъ бури на открытомъ морѣ? Положимъ, что намъ не иначе можно достигнуть сей без-опасной пристани, какъ пробираясь по узкой стезѣ чрезъ стремнины и утесы; но какой робкой не отважился бы пройти и такимъ путемъ, избравъ сію пристань цѣлю своего путешествія?

„Взглянемъ на естественнѣйшіе роды смерти: на усопшее прелестное дитя, на юношу отъ котораго оплелъ уже послѣдній вздохъ, на милую дѣвицу нечувствительно засыпающую вѣчнымъ сномъ, наконецъ на старца, который подобно *Силеону* самъ поетъ свою отходную пѣснь, — гдѣ шумъ изсохшій *остовъ*? гдѣ привидѣніе съ страшною косою? гдѣ фу-рїя, съ которою больной долженъ бороться на одрѣ смерти? — Тутъ ничего больше, какъ настааетъ приятная минута, минута вѣчнаго усыпленія, тишина непрерываемая уже никакимъ шумомъ, покой невозмущаемый никакимъ несчастіемъ.

„Даже при сильнѣйшихъ дѣйствіяхъ болѣзни приходятъ по крайней мѣрѣ пе-

редѣ смертію тихія минуты или приятныя и веселыя грезы. Чѣмъ болѣе приближаются крылья Ангела смерти къ лицу умирающаго, тѣмъ вѣянiе ихъ становится приятнѣе; наконецъ лице сiе остѣняется и покрывается блѣдною завѣсою, которой живымъ не надлежало бы и касаться. Смотря на спокойное лицо усопшаго и его довольный видъ подумаешь, что глава его окружена вѣнцемъ святыхъ. Самыя черты лица, обезображенныя продолжительнымъ спраданiемъ, сглаживаются рукою смерти, такъ что чрезъ нѣсколько минутъ многіе усопшіе становятся лучше, нежели каковы они были когда либо въ своей жизни.

„Итакъ смерть — сей послѣдній нашъ другъ, не есть какое-нибудь спрашилище; но только прекрашитель жизни прелестный юноша; который гаситъ факель и на волнуемое море жизни наводитъ тишину.

„Что бываетъ потомъ, это есть уже послѣдствіе смерти, коего совѣтъ не должно смѣшивать съ понятiемъ о ней самой. Трупъ въ могилѣ столько же мало походишь на смерть, сколько мое тѣло

еще чувствующее на сей трупъ: это есть ничто иное, какъ сброшенная испортившаяся маска, которая ничего не чувствуешь и при которой мы, собственно говоря, ничего не должны бы ощущать; а что мертвымъ въ могилѣ шакъ холодно и печально — это одна стихотворная выдумка.

„Но какъ я разпространяюсь и забываю свою настоящую цѣль! Ну что, другъ мой, естли я сдѣлаю какія нибудь перемѣны въ семъ прекрасномъ сочиненіи? Естли это не справедливо, что смерть у древнихъ была представляема въ видѣ прекраснаго юноши съ обращеннымъ внизъ факеломъ? наконецъ естли надобно будетъ доказать, что сей юноша ни когда не означалъ *Бога смерти*? Не бойся, я не разрушу очарованія; сей прелестный образъ останется неиспорченъ, но я хочу только поставить его на свое мѣсто. Я не похищу ни одного листочка изъ цвѣтущаго вѣнка, коимъ украшается великій мужъ писавшій о семъ и который теперь самъ болѣе не живетъ: попрошивъ, какое мнѣ будетъ удовольствіе, естли

я нѣкоторыя цвѣты сего вѣнка приведу въ лучший порядокъ, а можетъ быть еще и прибавлю къ нимъ нѣсколько другихъ, имѣя при томъ руководителемъ самаго Лессинга.“

... а ... ая.

Статья изъ Аглинскаго Зрителя.

Nemo vir magnus sine aliquo afflatu divino unquam fuit. Cic

Никто не былъ великимъ безъ особеннаго Божескаго вдохновенія. Циц.

Умъ человѣческой съ великимъ удовольствіемъ занимается высокими мыслями, кои встрѣчаются ему у писателей одаренныхъ истиннымъ гениемъ и совершеннымъ краснорѣчіемъ. Это ощущаемъ мы при чтеніи философическихъ сочиненій Цицерона. Въ нихъ истинна такъ прелестно облечена, что едвали бы она украшенная всѣми пѣтическими вымыслами могла намъ столько нравиться и столько плѣнять насъ.

На сихъ дняхъ попались мнѣ въ руки сей древній авторъ и одинъ писатель

новѣйшихъ времянь. Впечатлѣнїя произведенныя ими во мнѣ совсѣмъ разстроили мое веселое разположеніе. Послѣдній (Докторъ Бурнеть) есть сочинитель *Теорїи обитаемой нами земли*. Оба они имѣють великое сходство между собою; поелику оба говорятъ о будущей жизни: но послѣдній, кажется, превосходитъ перваго, пользуясь выгодами Священнаго Писанїя или Откровенїя. Я приведу одно мѣсто изъ перваго и сдѣлаю извлеченіе изъ цѣлой рѣчи послѣдняго. Цицеронъ, ссылаясь на Платона, говоритъ, что Сократъ выслушавъ смертный приговоръ сказалъ судьямъ своимъ слѣдующее: „Я увѣренъ, что нынѣшнее мое осужденіе на смерть чрезвычайную принесетъ мнѣ пользу; поелику одно что нибудь должно возпослѣдовать: или съ смертію моею должны охладѣть всѣ мои чувства, или я переселюся въ другую жизнь. Въ первомъ случаѣ, т. е. лишившись чувствъ, я только засну глубокимъ сномъ, который не прервется никакими мечтанїями возмущающими здѣшнюю нашу жизнь; и какъ должна быть приятна такая смерть!

сколько можемъ мы припомнить дней въ своей жизни, которые были бы лучше такого состоянiя? Но ежели справедливе то, что смерть есть переходенiе въ мѣста населяемая людьми прежде насъ жившими на свѣтѣ; то для меня еще приятнѣе оставить такихъ судей, которые только носятъ на себѣ сiе имя и переселились къ шѣмъ, кои по всей справедливости признаны уже таковыми — къ Миносу, Радаманту, Эаку, Триптолему, и увидѣться со всѣми людьми провождавшими на землѣ правую и непорочную жизнь. Думаете ли вы, что сiе преселенiе ничего не значить? И не ужали за ничто почитаете разговаривать съ Орфеемъ, Гомеромъ, Музеусомъ и Гезiодомъ? Я желалъ бы дѣйствительно потерпѣть многоразличныя смерти, лишь бы возпользоваться сею честiю. Какъ бы мнѣ приятно было бесѣдовать съ Паламидомъ, Аяксомъ и другими, которые подобно мнѣ воспріяли смертную казнь по одной несправедливой зависти своихъ судей! Я узналъ бы на самомъ дѣлѣ умъ великаго царя, собравшаго шоль многочисленныя

силы противъ Трои; спалъ бы разсуждать съ Улиссомъ и Сизифомъ о самыхъ важныхъ предмѣтахъ, такъ какъ я иногда разсуждалъ здѣсь въ простомъ обращеніи съ людьми не опасаясь за то осужденія на смерть. Но да не спрaшaтся смертной казни тѣ между вами, которые подтвердили мою невинность. Добродѣтельные не потерпятъ никакого вреда какъ въ настоящей жизни, такъ и послѣ смерти: ихъ особенно покровительствуетъ Богъ; и я не вѣрю, чтобы теперешній мой жребій былъ опредѣленъ какимъ нибудь слѣпымъ случаемъ. Ни въ чемъ не долженъ я противорѣчить моимъ судьямъ и обвинителямъ: я увѣренъ въ то, что и по самому ихъ признанію обиженъ я невинно. Но я удерживаю васъ: время уже вкусить мнѣ смерть, а вамъ возвратишься къ житейскимъ вашимъ дѣламъ. Кто изъ насъ останется въ лучшемъ состояніи, сего не дано знать никому изъ смертныхъ; а извѣстно одному только Богу.,

Безсмертный Сократъ представляется здѣсь въ видѣ достойномъ мудреца и

великаго человѣка. Обратимся теперь къ сочинителю Рѣчи (Д. Бурнету). Онъ слѣдуя просвѣщенію ума и Ошкровенію, которыя казались ему наилучшими наставниками, разсмотрѣлъ слѣды Всемогущества. Съ благороднымъ честолюбіемъ, которое не несовмѣстно съ кротостію и истиннымъ благоговѣніемъ, хотѣлъ онъ изслѣдовать пути Провидѣнія отъ самаго сотворенія до послѣдняго разрушенія міра. Сколь приятно должно быть умозрѣніе показывающее непрерывную цѣпь и взаимное дѣйствіе природы съ Провидѣніемъ, физическаго міра съ нравственнымъ! Также сколь приятно видѣть, что рай и вѣчная весна суть обиталища невинности; а смутныя времяна, безконечныя страданія и раздраженные небеса служатъ воздаяніемъ разврату и пороку! Когда сей превосходный сочинитель обозрѣлъ все прошедшее и будущее относящееся къ населяемому нами міру; но углубляясь мысленно, хотѣлъ узнать конецъ его. И въ семъ разположеніи духа произнесъ какъ бы надгробную рѣчь при развалинахъ сего земнаго шара, взирая на тош

пунктъ, гдѣ онъ нѣкогда имѣлъ свое положеніе. „Итакъ предположимъ, если угодно сіе предположеніе, и станемъ разсуждать о тщетности и преходящей славѣ обитаемаго нами міра: какъ посредствомъ наглой силы одной стихіи устремляющейся противу прочихъ, всѣ художественныя произведенія, всѣ труды человѣческіе обращаются въ ничто. Все, чему мы прежде, удивлялись и обожали, все величественное и великолѣпное будучи изглажено и разрушено, совершенно исчезло; новый видъ безъ красоты и искусства, единообразный является на всемъ лицѣ земли. Гдѣ великія Имперіи свѣта и столицы ихъ? Гдѣ огромные столбы, гдѣ трофеи и всѣ памятники славы? Покажи мнѣ мѣсто, гдѣ они стояли; прочти ихъ надписи, скажи мнѣ имя побѣдителя! Какіе остатки, какое различіе, какія знаменія видны въ семь шарѣ огненномъ? Римъ вѣчной памяти достойный, Римъ величественный градъ и повелитель вселенныя, коего владычество и суевѣріе, древнее и нынѣшнее, составляютъ главную часть его исторіи; что

теперь съ нимъ сдѣлалось? Онъ положилъ глубоко свои основанія, создалъ пышные чертоги; восхищался своею славою и привѣтствовалъ себя въ сердцѣ своемъ такъ : „я сѣлъ на престолѣ, какъ Царь и упоился удовольствіемъ; не жду себѣ никакой печали и несчастія.“ Но часъ уже пришелъ; Римъ отвергнувъ, какъ прахъ, отъ лица земли и въ вѣчномъ погребенъ забвеніи. Не одни города и дѣла рукъ человѣческихъ, — огромные холмы, неизмѣримыя горы и ужаснѣйшія скалы разтаяли какъ воскъ отъ солнечнаго жара, и мѣсто ихъ уже изгладилось. Здѣсь стояли Альпы тягостное бремя вселенныя, занимавшіе своей обширностію многія Государства и простершіе отрасли свои отъ океана до чернаго моря; сія обширная громада камней размягчилась и разпустившись какъ тонкое облако превратилась въ дождь. Тутъ были Африканскія горы и Апплантъ возносившій верхъ свой превыше облаковъ. Здѣсь стоялъ мразный Кавказъ и Тавръ. Тамъ представлялися глазамъ Азіятскія, а съ другой стороны простирающіяся къ Сѣверу Рифейскія горы по-

крышыя льдомъ и снѣгомъ. Всѣ сїи произведенїя природы разрушились, верьхи ихъ поколебавшись до основанїя пали яко снѣгъ на землю и исчезли. Велики и дивны дѣла твои; праведны и истинны путїе твои, о Боже Царь Святыхъ!,

Съ Аглин. Алексѣй Флавицкїй.

Выписки изъ писемъ () путешественника моремъ и сушею отъ
Кронштата до Мобѣжа.*

Любекъ. 12 Сентября, 1816.

Я еще не въ числѣ мертвыхъ, — и
въ этомъ конечно удостовѣритесь вы

(*) Писанныхъ въ С. П. Бургъ Н. М. Л . . . вымъ.
Издатели имѣли честь получить сѣю спашью
при слѣдующемъ письмѣ:

Милостивые Государи!

Ко мнѣ доставлены выписки изъ писемъ Путешественника моремъ и сушею отъ Кронштата до Мобѣжа; онѣ показались мнѣ спюющими чшенія Публики, какъ по занимательному содержанию своему, довольно хорошему слогу, такъ и пошому что писаны уроженцемъ Украины, воспитывавшимся въ ея Столицѣ Харьковѣ. Я препровождаю оныя къ вамъ, Мм. Гг. съ пѣмъ, что ешлы и ваши сужденія объ нихъ будущъ согласны съ моими; по вы, надѣюсь, помѣстите ихъ въ соспавляемомъ вами Укр. Вѣспникѣ.

Съ отличнымъ почтеніемъ имѣю
честь быть, и проч.

Д. Б.

20 Мая.

1817

Харьковъ.

по одному заглавію моего письма къ Вамъ. Однакожь я очень былъ близокъ къ тому, чтобы разспаться съ жизнію, — которую Богу было угодно продолжить мнѣ, подвергнувъ прежде всѣмъ ужасамъ и бѣдствіямъ наморѣ. Трѣпещу даже теперъ, когда представляю себѣ клокочущія волны и тысячу смертей, ежеминутно стремившихся поглотить насъ: хотя это страшное возпоминаніе есть уже источникъ теперъ высочайшаго благоговѣнія моего къ небесному Подателю всѣхъ благъ; и отнынѣ всѣ мои чувства должны быть посвящены на прославленіе Его чудесъ, посредствомъ коихъ явная погибель превращена въ спасеніе и жизнь! —

Подлинно я не думаю, что бы кто нибудь могъ имѣть плаваніе несчастіе нашего: проскипаться по Балтійскому морю дватцать три дни и при томъ еще на такомъ пространствѣ, которое совершаютъ обыкновенно много что въ 10 дней (*) это уже есть не маловажное несчастіе; но когда такое пространство и время

(*) Отъ Кронштапта до Любека.

сопровождаемы были непрерывно противными вѣтрами, ежедневными сильными волненіями и шестью ужаснѣйшими бурями, — то это можетъ быть неслучалось и съ мореходцами вокругъ цѣлаго свѣта! Пустившись въ море 18 Августа въ 7 часовъ утра, мы только сей первый день и воспользовались хорошимъ вѣтромъ достигнувъ острова Эзеля; все же прочее время корабль нашъ боролся съ противною погодою, лавировалъ разными направленіями и изплавалъ едва ли не все Балтійское море вдоль и поперекъ. Но что я говорю изплавалъ? ужасные вихри бросали его во всѣ стороны, погружая съ неимовѣрнымъ стремленіемъ въ бездны моря съ высоты водныхъ горъ. Передняя половина корабля почти безпрестанно покрыта была водою, и волны поминутно лились чрезъ палубу. Такое волненіе заставило насъ вѣчно лежать въ каютѣ, дышать сырымъ и тяжелымъ воздухомъ, по наклоненію корабля склоняясь то на ту то на другую сторону и съ трепетомъ ежечасно ждать гибели. Никогда не забуду я сего морскаго путешествія, — особенно 23 число

Августа останется памятнымъ на всю мою жизнь: тогда мы претерпѣли ужаснѣйшую бурю! Небо скрылось совершенно въ черныхъ облакахъ, дождь лился рѣкою и казалось будто всѣ стихіи соединились для составленія ада на землѣ. Море клокотало, вода превращена была въ пѣну; съ трескомъ вихрь воздымалъ горы и разверзала бездны! При одномъ возпоминаніи холодный потъ меня обливаетъ: каковожь было тогда наше положеніе? Мы ни очемъ уже не думали, кромѣ смерти; ежеминутное ожиданіе мгновенія перейти отселѣ въ вѣчность — ужаснѣе всѣхъ жесточайшихъ мученій: я испыталъ это. О какъ тяжело такое испытаніе! непонятный трепетъ, цѣпенѣлость чувствъ, судорги во всѣхъ нервахъ были единственными ощущеніями въ ту минуточку, — когда корабль нашъ низринулъ въ бездонную пропасть водъ. Крикъ матросовъ и хлынувшія въ каюшу волны, кои сильнымъ стремленіемъ выбили окна, довершили наше отчаяніе. Но нѣтъ, не имѣю силъ описать вамъ сіе наказаніе разгнѣванныхъ небесъ; скажу только: что нашъ

корабль весь покрытъ былъ волнами, — и какимъ образомъ спасся отъ гибели — это надобно приписать одному только всемогуществу всеблагаго Провидѣнiя! Въ продолженiе сего волненiя вихрь разорвалъ многiе паруса, выбилъ въ каютѣ окна, сшибъ одного матроса съ высоты мачты, разломилъ мачтовую подставку и перила, и все это происходило съ неимовѣрнымъ прескомъ: подлинно одинъ Богъ спасъ насъ отъ гибели! Въ послѣдствiи претерпѣли мы еще многiя если не таковыя, то очень на сiи похожiя волненiя; и каждое изъ нихъ въ одинъ день столько насъ измучивало, что кажется перескакавъ и тысячу верстъ на перекладной тележкѣ по каменной мостовой не почувствовалъ бы такого ослабленiя и боли во всѣхъ суставахъ. Еслибы я предвидѣлъ всѣ понесенныя мною бѣдствiя; то лучше согласился бы изходить пѣшкомъ весь бѣлый свѣтъ, чѣмъ подвергать себя ежеминутно тысячамъ смершей, кои на морѣ страшнѣе ада. Но слава Богу! плаванiе кончено, и я даю клятву: и самому врагу не давать совѣща ѣздить по мо-

рямъ. 23-е число Августа останется важнымъ въ эпохѣ моей жизни; ибо день сей считаю вторымъ моимъ рожденіемъ на свѣтъ.

На морѣ всего больше поразили меня двѣ чудесныя противоположности: разъяренное волненіе моря страшно ревущаго, и безмолвная, глубочайшая тишина на всей поверхности онаго. Въ день пезоименипства Государыни Императрицы 5 Сент. я видѣлъ такую удивительную тишину. Воздухъ не смѣлъ дышать и все пространство моря такъ гладко было, что казалось будто оно накрыто однимъ огромнѣйшимъ зеркаломъ. Корабль нашъ весь сей день стоялъ на одномъ мѣстѣ такъ спокойно, какъ бы поставленъ былъ на землѣ. Въ сіе время мы были не далеко отъ острова Борнгольма, который былъ виденъ вдали. Намъ трудно было добиться до сего мѣста; а какъ отсюда оставалось 36 миль до Травемюнда, то мы начинали щипать нашу надежду вѣрѣе. Вы сами плавали по морю; и потому легко можете вообразить великость нашего восторга и радости, когда около 10

часовъ по утру 9 числа сего мѣсяца мы усмотрѣли конецъ нашего мореходства не какъ обыкновенные плаватели, но какъ жертвы нещастія спасенныя всѣхъ бѣдъ! Въ половинѣ 1 часа 9 числа мы спутили на землю съ слезами радости!

Въ Травемюндѣ мы остановились въ прекрасномъ трактирѣ Stadt Hamburg; путь хорошо отдохнули и сытно пообѣдали, поѣвши со вкусомъ знаменитой рыбы *доршъ*. Я даже успѣлъ и прогулку здѣлать въ Травемюндѣ; и нахожу, что еѣ портовое мѣсто обладаетъ всѣми прелестями наилучшихъ красотъ природы. Ровно въ 4 часа по полудни подѣхали къ трактиру нанятые при экипажа, называющіяся *Штулвагенъ*, и мы всѣ пассажиры отправились немедля въ Любекъ. *Штулвагены* суть предлинныя плетенныя фуры, запряженныя парюю, о 4 хъ, 6 и 8 мѣсплахъ для пассажировъ. Кучерь обыкновенно верхомъ сидитъ на лѣвой лошади съ предлиннымъ бичемъ. Намъ стоило проѣздъ двухъ миль почти полтора червонца. Каждый шагъ дороги отъ Травемюнда до Любека обворожалъ мои взоры.

Мѣстоположенія прелестнѣйшія, поля обработанныя десятинами, изъ коихъ каждая регулярно обсажена линіями кустарниковъ, зелень такъ нѣжна какъ весною: все представляло картину плѣнительную. На половинѣ сей небольшой нашей дороги мы переѣхали рѣку Траве на плоту. Поднявшись на пригорокъ увидѣли высокія башни и краснѣющія кровли зданій Любека; верстѣ за 6 дорога наша превратилась въ прекрасную правильную аллею развѣсистыхъ липъ, каждый шагъ становился любопытнѣе. Уже мы начинали встрѣчать лица, прогуливающіяся попарно за городомъ; все для насъ было совершенно новое. Вотъ уже мы подъѣхали къ городскимъ воротамъ съ готическою башнею: это было въ изходѣ 7 часа вечера. Солнце зашло, но еще довольно было видно. Военный караулъ у заставы спросилъ: кто мы, откуда и куда ѣдемъ? и ошѣтъ нашъ записанъ на грифельной доскѣ. Узенькою, извивающеюся улицею мы въѣзжали во внутренность Любека, и потомъ главною улицею продолжали двигаться наши Шмуглагены. Казалось,

что я совѣмъ въ новомъ мѣрѣ: огромныя готическія церкви на темныхъ высочайшихъ башняхъ представляли явные слѣды многихъ столѣтій; линіи домовъ архитектуры совершенно отличной отъ нашего вкуса, улицы, переулки, экипажи, люди и ихъ наряды — все меня занимало. Я глядѣлъ то въ верхъ, то въ низъ, на право и на лѣво; красота города меня очаровала такъ, что я опомнился уже когда фуры наши остановились у трактира Stadt Hamburg. Ни съ чѣмъ нельзя было сравнить моего удовольствія, когда въ указанной намъ комнатѣ напившись лучшаго кофе, могъ я уже отдохнуть и успокоиться. Не надобно вамъ описывать порядокъ, чистоту, довольство и красоту Нѣмецкихъ трактировъ; Вы это довольно знаете: меня же удивляетъ, что пріѣзжій находитъ въ нихъ все что ему нужно. Иностранецъ можетъ вѣкъ прожить въ трактирѣ въ довольствѣ и изобиліи — и для сего ему ничего не надобно имѣть кромѣ платья, хорошаго аппетита и полного кошелька. Первую ночь я вовсе не имѣлъ сна: мнѣ грѣзились без-

престанно морскія волненія; моя постель казалась мнѣ качающимся кораблемъ; и я не могъ до разсвѣта въ помѣ себя разувѣрить. На другій день 10 числа въ 9 часовъ утра пошелъ я разсматривать городъ и вновь любовался прекрасною архитектурою домовъ: фигура ихъ на улицѣ имѣетъ видъ зеркала, широкія окна, будучи украшены вообще разными отборными дѣлѣтами, разставленными въ фигурныхъ горшкахъ и кувшинахъ, составляютъ удивительную прелесть. Внѣшній видъ зданій столько мнѣ понравился, что я охотно прощалъ Нѣмцамъ ихъ дурной вкусъ въ разположеніи улицъ, кои и закоулками называть нельзя; потому что они совершенные вертепы въ лабиринтѣ. Въ сей день мы были въ двухъ главныхъ церквахъ — Соборной и Марїинской. Онѣ заключаютъ множество памятниковъ отдаленной древности и искусства: въ первой мы при входѣ оглушены были громомъ органовъ; разсматривали гробы знатныхъ фамилій и видѣли чудесную картину Распятія, писанную въ 1421 году. Живость лицъ и свѣжесть красокъ представляющъ

картины сѣи какъ бы теперѣ написанными. Въ сей же церквѣ находящся знамена Ганзейскихъ войскъ и одно знамя, опнятое ими во время ихъ войны съ Турками; также много штукъ превосходныхъ изображеній скульптурныхъ. Въ Марїинской церквѣ мраморный жертвенникъ, кафедра, чудеснаго устройства часы, органы и искусная рѣзба многихъ украшеній обратили на себя все наше вниманіе. Я не могу описывать всего подробно въ письмѣ; но о часахъ скажу, что они удивительны. Обыкновенно ихъ собираются смотрѣть ровно въ 12 часовъ; въ сѣе время выходяиъ 12 Апостоловъ, одинъ за другимъ проходяиъ мимо стоящаго Спасителя и получаютъ отъ Него благословеніе. Одинъ Іуда онаго не получаетъ и проходииъ мимо Христа съ трепетомъ. Сверхъ того часы сѣи на круглый годъ показываютъ всѣ Астрономическія печенія планетъ и ихъ перемѣны, такъ же заключаютъ календаръ съ часами каждаго мѣсяца. Обозрѣніемъ сихъ двухъ зданій почти ограничено наше любопытство; ибо прочія мѣста трудно осмотрѣть

безъ значущихъ издержекъ. Мы замѣтили то числа опшѣнное малолѣдство и пустошу въ городѣ. Это было воскресенье; намъ сказали, что по праздникамъ обыкновенно почти всѣ разѣзжаются на гулянья въ загородныя мѣста. Въ сей же день мы видѣли разводъ здѣшнихъ войскъ: солдаты что зауроды! сущія индѣйки! ни фигуръ, ни дисциплины. Музыка и барабанный бой пренесносны. Вчера мы обошли почти половину околности Любека; гуляли по землянымъ укрѣпленіямъ, возвышенность коихъ усажена прекрасными аллеями развѣсистыхъ деревь. Отсюда видъ на городъ и на отдаленныя окрестности самый приятный для глазъ. Въ обыкновенные дни улицы очень многолюдны и городъ болѣе красивъ; потому что лавки вездѣ открыты, и разныя вещи разставленныя сквозь стекла оконъ представляютъ на каждомъ шагу новыя картины. Улицы прекрасно вымощены и вода проведена вездѣ такъ, что у каждаго дома стоитъ отворить кранъ насоса, что бы имѣть ея сколько угодно.

(Продолженіе впереди.)

в.) СТИХОТВОРЕНІЯ.

Петраркинъ Сонетъ.

Stiamo Amor a veder la gloria nostra, etc.

Богини, Граціи! услышите мой во-
сторгъ,

Котораго еще вселенная не знала:

Гдѣ такъ красы свои природа разточала?

Гдѣ столько прелестей сводилъ на зем-
лю Богъ? .

Скажите, кто хоть разъ когда уви-
дѣтъ могъ, —

Чтобъ златомъ , пурпуромъ одежда такъ
блистала?

Какая Нимфа взоръ столь нѣжно обра-
щала

И столько поступью своихъ плѣняла
ногъ? . .

Во кругъ нея цвѣты; но ахъ! они унылы,
Коль не коснется ихъ она ногой своей, —
Тогда и вѣтерковъ дыханья имъ немилы.

Вотъ красоты свои намъ небеса от-
крыли:

Они самихъ себя узрѣть желали въ ней;
Глаза ея для нихъ всегда любезны были. . .

Съ Италіян. Райдаровскій.

Мои мечты.

Долина славная, прелестнѣйшій Темпей,
Гдѣ воды Сперхія съ Пенеемъ соединены
Текли священными древами осѣненны!
Всечасно ты въ себѣ боговъ Олимпазрѣлъ:
Какъ на свирѣли Панъ любовь, безпеч-
ность пѣлъ;
Какъ дочь Лапонины съ колчаномъ за
спиною
Гонялась по скаламъ за серной молодою,
Иль освѣжалася въ твоихъ она ручьяхъ;
Какъ Фавны съ флейшами и въ плюще-
выхъ вѣнкахъ
И Нимфы легкія подъ тѣнью древъ свя-
щенныхъ
Составивъ хороводъ, весельемъ оживленны,
Плясали по твоей цвѣтущей муравѣ.
Какъ Бахусъ миршами и плющемъ увѣн-
чанный,
При берегѣ ручья подъ шумомъ водъ кри-
стальныхъ,
Иль въ тѣни липъ твоихъ небесный нек-
таръ пилъ,
Или съ Сатирами когда подчасъ шутилъ.

Или средь рощицы, тамъ гдѣ Зефиръ пор-
хаетъ,

Ручей приятнымъ гдѣ журчаньемъ усып-
ляетъ,

Ты зрѣлъ владычицу любви, прохладъ и
нѣгъ

Царицу Пафоса, Киприду мать утѣхъ...

Изчезло все теперь, прошли мечты свя-
щенны;

Изчезли и лѣса рукой ихъ насажденны!

Но ты, Назонъ мой другъ, чувствви-
тельный поэтъ!

Съ тобой, всегда съ тобой душа моя жи-
ветъ:

Когда пойду я въ лѣсъ и вижу вязъ зеленый,

То молодой Аписъ Цибелою плѣненный (*);

Иль естѣли зрю я лугъ, — гдѣ ручеекъ
журчитъ,

Гдѣ стадо мирное въ спокойствіи ле-
житъ, —

Но вдругъ его покой волкъ алчный на-
рушаетъ;

То злобный Ликаонъ такъ подданныхъ
терзаетъ.

(*) Овидіевы Превращенія.

Оленя ли я зрю? то юный Актеонъ.
Иль слышу въ полночи унылый, шажкѣй
спонъ
Пѣвца весеннихъ дней? то Филомела
нѣжна
Постигнута бѣдой отъ река неизбѣжна.
Мой утѣшитель другъ, Назонъ! съ по-
бой брожу
По рощамъ и лугамъ, — и щастье на-
хожу
Всегда въ себѣ одномъ. — Какъ щаст-
ливъ я мечтами!
Прелестныя мечты, вѣкъ неразстанусь съ
вами!

Г. Шкловъ.

На гробъ Тирсиса.

Надъ прахомъ милаго любовь всегда
садила

Печальну ель, иль кипарисъ, —
И прахъ его слезой кропила;
Но надъ тобой, Тирсисъ,
Сама природа насаждаетъ
Цвѣтъ незабудочки и въ утренни часы
Твою могилу орошаетъ
Аврора перлами росы.

Т. С—кѣй.

III. СМѢСЬ.

О д е с с а.

(Изъ Писемъ къ другу.)

Бдучи изъ Николаева и Кременчуга по степнымъ равнинамъ, встрѣчаешь изрѣдка на дорогѣ небольшія слободы и маленькіе хушорки: на всемъ этомъ пространствѣ взоръ и воображеніе не находятъ для себя ни одного приятнаго предмета; но какъ прелестень первый взглядъ на *Одессу*! Вдругъ съ правой стороны являются свѣшлые Лиманы, съ лѣвой необозримое море покрытое кораблями; а на крутомъ скалистомъ берегу его громада прекрасныхъ зданій съ башнями 1), куполомъ 2) и остроконечными колокольнями 3). И все это кажется висить надъ моремъ, или лучше сказать пла-

-
- 1) Прежде бывшая крѣпость, а нынѣ карантинъ для пассажировъ.
2) Преображенскій Соборъ.
3) Рускія, Католическая и Греческая церкви.

ваешь въ волнахъ Эвксина. Чѣмъ ближе, тѣмъ прелестнѣе картина! Глаза долго бродившіе по печальной степи не знаютъ тушь на чемъ остановиться; не знаешь чѣмъ болѣе любоваться: необозримымъ ли моремъ, дикимъ ли скалистымъ берегомъ и развалинами (*); или зданіями въ новомъ вкусѣ выстроенными? Такъ все занимательно!

Но вотъ я уже въ городѣ на Херсонской площади. И съ перваго взгляда видно, что это портовый торговый городъ. Какій большій привозъ разнаго хлѣба, какая суешливість и проворство въ народѣ, какое разнообразіе въ платьѣ! Тушь Рускіе, Греки, Нѣмцы, Булгары, Молдаване, Поляки, Евреи и проч., все это вмѣстѣ движется, шумитъ. Площадь обширная, во кругъ лавки съ колоннами; въѣзжаешь далѣе въ средину города и забываешь, что онъ разположенъ на степи: вездѣ алеи изъ Американскихъ Акацій, Италіанскихъ тополей, перемѣшанныхъ съ печальными ивами.

(*) Прежнія казармы.

Вотъ еще обширнѣйшая *Преображенская* площадь. Тутъ во всѣ стороны видны прямыя широкія улицы, съ каменными протуарами, съ высокими пополями; и куда ни посмотришь вездѣ видишь многія толпы гуляющихъ. Судя по этому легко повѣришь, что Одесса имѣетъ 30000 жителей. Мнѣ крайне понравился на одной сторонѣ видъ синѣющаго моря, на которомъ плывущія корабли такъ точно представляются какъ аэростатическій шаръ на безоблачномъ небѣ. По срединѣ площади Соборъ, зданіе величественное и прекрасной архитектуры.

Идемъ далѣе и опять площадь, это *Александровская*; опять по обѣимъ сторонамъ лавки съ колоннами и поповыя алеи, а въ срединѣ улицы длинныя бульвары зеленѣютъ какъ густая роща. Въ Одессѣ дома нѣкоторыхъ гражданъ не уступяютъ красотою домамъ на Невскомъ проспектѣ. Да и вообще всѣ дома каменные естли не такъ обширны, но припны для глазъ; а болѣе потому, что обсажены деревьями и очень уютны. Каменные скалы для Одессы суть истин-

ное золото. Разница въ томъ: что камень Одессѣ въ короткое время помогъ быть хорошимъ городомъ, и жителямъ его доставилъ удовольствіе въ жизни; а золото Перуанцамъ навлекло множество несчастій и рабство. (*)

Но оставляю это; разсуждаю не мое дѣло, а лучше буду описывать. Одесса имѣетъ многія Государственныя полезныя заведенія, на примѣръ: кромѣ карантина, строительнаго и попечительнаго комитетовъ, банковую, учетную и страховую конторы, Гимназію, лазаретъ; изъ частныхъ: мужскій и женскій Пенсіоны, въ которыхъ воспитываются также какъ и въ столицахъ, городской заемный банкъ, страховыя канторы, Греческое и Езуитское училище; еще учреждается вновь Еллиногреческое коммерческое училище. Греки никогда немогутъ найти удобнѣйшаго случая возвратить хотя нѣсколько

(*) Одесскіе жители называютъ свои каменные скалы золотомъ; они говорятъ, что если бы не было камня; то Одессѣ не было бы шѣмъ и въ два столѣтія, чѣмъ она здѣлалась теперь съ небольшимъ въ 20 лѣтъ. И это справедливо. С.

блескъ прежней своей славы, какъ теперь. При всеобщемъ мирѣ въ Европѣ они возобновляютъ храмы Музъ въ Афинахъ и на горѣ Пеліонѣ; а въ Россіи живя подъ крошкимъ правленіемъ АЛЕКСАНДРА I. основываютъ большое воспитательное заведеніе. Одинъ только домъ для училища заплаченъ ими 60000 руб. — а что еще будетъ стоить содержаніе? — Ученики всѣхъ націй въ немъ будутъ принимаемы безденежно; изъ наукъ преимущественно преподаваемы будутъ необходимо нужныя для коммерціи.

Теперь коснусь увеселеній. Въ Одессѣ есть Театръ, на которомъ по большей части Рускіе Актеры играютъ довольно изрядно Трагедіи, Драмы, Комедіи, а иногда не только рѣдко Оперы. За то Италіянцы, какъ большіе охотники до пѣсенъ, играютъ всегда Оперы. Греки представляютъ на немъ прежнее свое величіе—Фемистокла въ Персіи, Сулешовъ и проч.; Французы, любя смѣшныя и смѣяться, играютъ коротенькія Комедіи. Также есть и танцевальная группа; Г. Волянжъ, воспитанникъ Одесскій, замѣ-

няетъ ей Вестриса и Дюпора. Выключая Кандишерскихъ и многихъ другихъ кофейныхъ домовъ или клубовъ, клубъ въ домѣ Г. Рено называемый *новый* есть лучший и многолюдный: въ немъ бываетъ каждую среду купеческая биржа, публичный аукціонъ; а подлѣ него ротонда или большая зала для баловъ, въ которой такъ же обыкновенно даются концерты, бываютъ принимаемы и угощаемы отличные посѣтители Одессы.

Я нигдѣ не видалъ такой пестроты въ плащяхъ, такого разнообразія фizioгномій, такой смѣси языковъ, какъ по вечерамъ въ здѣшнемъ новомъ Клубѣ. Вы только найдете въ одно время до десяти разныхъ народовъ. Каждый въ костюмѣ своей націи, говоритъ на своемъ природномъ языкѣ; забавляются игрою: въ шашки, кости, карты, биліардъ и прч., всякій по своему вкусу. Тутъ ежеминутно мелькаютъ Рускіе мундиры и солданы (*), Греческіе Хитоны, Турецкія чалмы, Англинскія и Французскія фраки, Италіанскія папашуки,

(*) Въ здѣшнемъ Клубѣ ходятъ всегда въ шляпахъ.

Польскія Венгерки и проч. И все это при блескѣ зажженныхъ люстръ, лампъ, жирандолей и шандаловъ въ густомъ табачномъ дыму представляетъ смѣсь весьма приятную для глазъ. Тихой шумъ гуляющихъ прерывается звонкими голосами маркёровъ часто повторяющихъ *три и ничего* и оканчивающихъ *48-мѣ*; роковое 48 даетъ знать, что игра кончилась: должно оставить забаву, или снова надѣяться на счастье и искусство.

Другъ мой! не шакъ ли и мы въ нашей жизни ловимъ забавы, радости; наслаждаемся ими, теряемъ ихъ и опять стараемся найти; играемъ до 48 лѣтъ во всѣ игры сообразныя нашему характеру и обстоятельствамъ; проигрываемъ и выигрываемъ: но лишь пробьешь 48 лѣтъ, — разсудокъ, взглянувъ на прошедшія такъ сказать двѣ трети жизни, заставляетъ забыть прежнія привычки и пристально посмотреть на приближающуюся рѣшительную минуту въ жизни. — Но страсти велятъ приняться опять за игру; страсти часто не по лѣтамъ, а по счастливымъ обстоятельствамъ нами болѣе

или менѣе владѣють: иный и съ сѣдой головою наслаждается всѣмъ плѣмъ, чѣмъ только можетъ наслаждаться юноша; а другій и въ цвѣтѣ лѣтъ имѣя всѣ лучшія качества души, но не имѣя звонкаго личнаго достоинства, угнѣщенный горестью и несчастіемъ и людскою злобою—бѣднякъ, не доживъ и 48 лѣтъ, вянетъ и умираетъ. Если бы добрый Лафатеръ хотя одинъ вечеръ побывалъ въ здѣшнемъ Клубѣ; то вѣрно бы еще прибавилъ нѣсколько страницъ къ своей физіогномикѣ.

Во время лѣта Одесса имѣетъ также свои гулянья. Городовой садъ въ срединѣ города (*) не очень великъ, но хорошо расположенъ. Кромѣ того гуляютъ на степи около крѣпости, гдѣ о Святой Недѣлѣ бывають Рускія качели, пляски разныхъ націй, а болѣе разныя Греческія игры; и хотя все это не въ большемъ видѣ; но совершенная свобода все оживляетъ, все украшаетъ.

Еслили кто смотрѣлъ на Москву съ Воробьевыхъ горъ, на Ригу отъ стараго

(*) И еще начали разводить большій городской садъ за городомъ.

Королевскаго сада; потѣ можешь себѣ представить видъ Одессы отъ крѣпости: она совсѣми церквами, домами, прямыми улицами и съ находящимися около нея вѣтренными мѣльницами кажется какъ на ладонѣ. Жаль только что здѣсь по дороговизнѣ и недостатку въ желѣзѣ и шесѣ дома больше покрыты дранью, представляюща сѣдыми и не дѣлающъ пестроты столь приятной въ семъ случаѣ для глазъ. Говорятъ, что бывшій Градоначальникъ Одессы *Дюкъ де Ришелье* часто смотрѣлъ отъ крѣпости на городъ, любовался его планомъ и прекраснымъ видомъ и безъ сомнѣнiя внутренно радовался плодамъ трудовъ своихъ. Ибо Одесса населенiемъ и своею славою много ему обязана; каждый Одесскiй житель произноситъ имя его съ особеннымъ чувствомъ.

Но пойдемъ далѣе за крѣпость и спустимся по маленькой извивистой дорожкѣ все ниже, ниже — наконецъ къ самымъ волнамъ моря. Какiй шумъ отъ волнъ! какiй дикiй и величественный видъ! . . . Рука времени, осыпая мало помалу высокiй берегъ, превратила сiи насыпи въ хол-

мы, скалы и горы; а благодѣтельная природа все это покрыла кустарниками, правою и цвѣтами. На одной сторонѣ берега видны: купеческая гавань (*) полная кораблей, на коихъ люди копышались какъ муравьи, далѣе магазины для складки товаровъ и карантинная Контора; а на другой видны небольшіе загородные дома окруженные садами. Бродя по сему дикому берегу, слушая морскій шумъ, вдыхая запахъ отъ разныхъ на каждомъ шагу растущихъ цвѣтовъ, можно представить себя Робинзономъ выкинутымъ морскою бурею на дикій берегъ; можно представить себя вѣчнымъ обитателемъ сей пустыни: путь будешь сожалѣть о милой родинѣ, о цвѣтущихъ городахъ, о блестящемъ обществѣ и дружбѣ единственномъ утѣшеніи для смертнаго. Болѣе часа бродилъ я въ Одесской пустынѣ и какія-то неволь-

(*) Одесса имѣетъ двѣ гавани: а) Военную, въ которой болѣе пристають лодки изъ Херсона и прочихъ Россійскихъ портовъ, и корабли очищенные карантинномъ; — б) Купеческую, въ которой всегда множество кораблей и всѣ они подвержены карантину.

ныя грустныя слезы появились на глазахъ моихъ; я ошеръ ихъ и пошелъ далѣе. На горѣ стоящія башни, а въ низу подлѣ моря батареи представляющъ издали видъ древняго рыцарскаго замка.

На семь же берегу есть садъ Генерала *Кобле*; путь нѣкоторыя насыпи сравнены, а на иныхъ уже растетъ виноградъ. Садъ сей скоро можетъ притти въ хорошее состоянiе; ибо старательный хозяинъ не жалѣетъ для него ни трудовъ, ни издержекъ. Но подлѣ него находящiйся садъ *Г-жи Розетти* гораздо превосходитъ: Англинскiя извивистыя дорожки, прорѣзанные въ каменныхъ скалахъ гроты, надъ ними плодовые деревья, виноградные плантажи и высокiя тополи даютъ ему прелестный видъ.

Подлѣ сего еще два сада здѣшнихъ купцовъ и такъ же довольно хороши. Но путь снова пошла пустыня до самаго *малаго фонтана* (*), кошорый тѣмъ только отличается, что имѣетъ около себя двѣ или шри хижины.

(*) Въ шести верстахъ отъ города.

Поднимаемся опять на верхъ берега: надъ самой крутизной его волнуются колосья разнаго хлѣба и разведены садовыя школы, которыя почти наравнѣ съ садами приносятъ хозяевамъ отъ 1000 и до 5000 руб. ежегоднаго дохода за всѣми издержками.

Въ 12-ти верстахъ отъ Одессы есть еще *фонтанъ* называемый *большимъ фонтаномъ*. Дорога къ нему по обѣимъ сторонамъ засѣяна разнымъ хлѣбомъ; здѣсь также разводятся сады, попадаются небольшіе *хутора* и слободки. *Фонтанъ* сей печетъ въ низу подлѣ самаго моря, подъ нависнувшимъ утесомъ; около него между высокими кустарниками видны малыя рыбачьи хижины. А на самомъ утесѣ здѣшнимъ Купцомъ А. . . (*) разведенъ садъ состоящій болѣе нежели изъ 150000 большихъ деревь, кромѣ винограда и другихъ мѣлкихъ кустовъ. Сіе заведеніе можно названъ единственнымъ въ своемъ

(*) Который имѣетъ за разведеніе въ большомъ количествѣ шелковицы, шелковыхъ червей и шелковаго завода золотую медаль.

родѣ; кажется дикость и всѣ ужасы природы уступили силѣ искуснаго человѣка. Садъ сей стоить хозяину болѣе 40000 рублей; онъ его подарилъ для мужескаго Монастыря, которому назначено быть въ срединѣ самага сада. Великій Князь Николай Павловичъ, посѣщавъ Одесу въ семь (1816) году, приказалъ на самомъ концѣ утеса здѣлать *маякъ* для безопасности плывущихъ ночью къ Одесской гавани кораблей. Сумма на сооруженіе монастыря частію собрана уже отъ здѣшнихъ жителей, а подписка продолжается и нынѣ. Мѣсто для церкви и монастыря освящено въ семь же году Преосвященнымъ Митрополитомъ Гаврииломъ и въ будущемъ лѣтѣ начнется постройка. Здѣсь-то земный странникъ долго искавшій въ семь мѣрѣ истинныхъ наслажденій, но видя вездѣ подъ личиною добра и искренности ложь, и будучи долго обуреваемъ пылкими страстями, на конецъ пришедши въ себя и узнавши всю тщетность своей быстропечной жизни, здѣсь съ разпроганнымъ сердцемъ повторилъ слова мудреца: „суета суещество и

всяческая суесть!“ Онъ скажетъ, вздохнетъ и удалится въ сѣ тихое безмятежное убѣжище; здѣсь его страстей ничто болѣе не будетъ приводить въ волненіе; не будутъ болѣе являться передъ нимъ розовыя цѣпи обманчивыхъ сиренъ; злоба и лѣсть не будутъ болѣе представляться ему подъ видомъ добра и искренности. Здѣсь Богъ и природа всегда будутъ занимать его. Печальный гуль колокола будетъ приглашать его къ однимъ хвалебнымъ пѣснямъ въ честь милосердаго Создателя; сей же гуль будетъ напоминать ему и краткость его жизни: а во время приятнаго майскаго утра, когда лишь выдѣшь солнце изъ синяго понаша и озлапивъ поверхность водъ освѣтитъ всю природу, или въ тихой вечеръ при слабомъ сѣянїи блѣдной луны смотря съ высоты сего утеса на величественную картину, онъ невольно прольетъ радостныя слезы въ благодарность Вездѣсущему! Или когда бурные вѣтры начнутъ вздымать горами морскія волны, когда огромные корабли какъ маленькіе челноки будутъ моситься шуда и сюда по об-

широкому понту, когда шумъ моря и вѣтровъ смѣшается вмѣстѣ и составитъ нѣчто ужасное для слуха; онъ и тогда успокоенный въ душѣ своей будетъ безопасно сидѣть подлѣ качающагося поля и разсуждать о прошедшихъ дняхъ своей жизни (*). Не такъ ли нѣкогда и онъ былъ обуреваемъ страстями; не такъ ли и онъ прежде носился по волнамъ мечтаній и заботъ житейскихъ, доколѣ не достигъ къ сей тихой пристани религiи и Бога? Мнѣ теперь пришли на память стихи одного изъ любимыхъ писателей нашихъ:

„Плывя чрезъ бурно жизни море,
Онъ тихой пристани искалъ;
Терпѣлъ бѣды, напасти, горе, —
И здѣсь на вѣчный якорь сталъ!“

Другъ! Солнце уже закатилось, и алая заря погасаетъ — прощай до завтра, — я возвращаюсь въ городъ.

(Окончанiе въ сл. Кн.)

(*) Въ самомъ дѣлѣ мысль прекрасная — на такомъ величественномъ мѣстѣ основать Монастырь; но будетъ ли онъ убѣжищемъ истинно утружденныхъ жизнию, а не лѣнью странниковъ? И красныя природы не будутъ ли возхитительны и поучительны — только для проходящихъ? Прим. Издаш.

Увѣдомленіе.

Издашли получили изъ Бѣлгорода Сказку Сонъ, подписанную Г-мъ Ко. . . . Бѣ. . . ; ту же самую сказку нашли они въ Журналѣ Иллокренѣ 1799 года Ч. IV. стр. 309 — 321. Имъ показалось, что убавлять по 7 или 8 стиховъ изъ нѣсколькихъ сошень, оставляя все прочее безъ малѣйшей перемѣны, не значить еще сочинять, ни даже подражать развѣ уже черезъ чуръ близко; а потому они и не рѣшились напечатать этогъ Сонъ. При томъ же ни какъ нельзя предполагать, что бы Г. новѣйшій Сочинитель писалъ или лучше сказать списывалъ свою сказку на яву. Странное дѣло! увлеченный чужимъ геніемъ, преслѣдуя его отъ буквы до буквы, отъ строки до строки, наконецъ отъ страницы до страницы, онъ не постигъ и такъ сказать въ списывательномъ своемъ жару не схватилъ и двухъ послѣднихъ буквъ оригинала А * Т * !

О ш и б к и.

Стр. 303. строк. съ низ. 13. нап. хотя. чит. также. стр. 305. стрк. 2. нап. 53, 14. чит. 41, 86 стр. 305. стрк. 2. нап. 41, 86. чит. 58, 14. стр. 306. строк. 6. нап. и. чит. или.

ОГЛАВЛЕНІЕ ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

I. Науки и Искусства.

Стр.

1. Славянская Миеологія, или о
Богослуженіи Рускомъ въ языче-
ствѣ - - - - - 3,141
2. Дополненіе къ Статѣ: *Краткое
начертаніе Теоріи подражатель-
ной Гармоніи слова* - - 25
3. Нѣчто о переводѣ *Виргиліевыхъ
Георгику* Рускими Гекзаметрами 51
4. Рѣчь о необходимости воспита-
нія дѣвицъ - - - - 151
5. Путешественныя записки - 159
6. О причинахъ различія умствен-
ныхъ и нравственныхъ способно-
стей - - - - 261
7. Нѣчто объ *Элегіи* - - - 284
8. Боги *Индіи* - - - - 294
9. Нѣчто о каменно-угольной лом-
кѣ въ Бахмутскомъ уѣздѣ Екате-
ринославской Губерніи - - 300

II. Изящная Словесность а) Проза.

1. Различные роды безсмертія (*Окон-
чаніе*) - - - - - 70
2. Святогорскій Монастырь - 187

	Стр
3. Феодосій и Констанція	198
4. Долина Иосафатова	211
5. Который часъ?	216
6. Пѣнїе птицъ	316
7. Харьковское кладбище	320
8. Первое письмо Гердера о Лес- синговой статьѣ: какъ изобра- жали смерть древнїе?	334
9. Статьи изъ Англинскаго Зрїтеля	339
10. Выписки изъ писемъ путеше- ственника моремъ и сушею отъ Кронштапта до Мобѣжа	347
III. Стихотворенія.	
1. Отрывокъ изъ Волтеровой тра- гедїи <i>Орестъ</i>	88
2. Другу моего сердца	90
3. Къ Портрету К. Р — на	92
4. Прости (Пѣсня)	—
5. Въ Альбомы	93
6. Полевому колокольчику	94
7. Увядающей незабудочкѣ	95
8. Петраркинъ Сонетъ	—
9. Къ другу	96
10. Экспромтъ въ Альбомъ	97
11. Ошибка (сказка)	98
12. Надпись на вратахъ адовыхъ	100

13. Отрывки изъ Волперовой Трагедіи <i>Орестъ</i>	-	-	-	223
14. Минута уединенія	-	-	-	232
15. Къ младенцу	-	-	-	233
16. Подражаніе Петраркѣ	-	-	-	236
17. Къ сосѣду	-	-	-	237
18. Женидба нынѣшняго свѣща	-	-	-	242
19. Эпиграмма	-	-	-	243
20. Петраркинъ Сонетъ	-	-	-	359
21. Мои мечты	-	-	-	360
22. На гробъ Тирсиса	-	-	-	363

IV. Харьковскія записки.

1. Общество Наукъ	-	-	-	101
2. О пожертвованіяхъ въ пользу Х. Коллегіума	-	-	-	102
3. Общество Благотворенія	-	-	-	344

V. Слѣсь.

1. Сковорода, Украинскій Философъ	106
2. Къ Издателямъ (изъ Одессы)	132
3. Изъявленіе благодарности	133
4. О подпискѣ на Сочиненія Любви Кричевской	134
5. Аекдошы	252
6. Привычка	254
7. Одесса (изъ писемъ къ другу)	364
8. Увѣдомленія	

